

ЕЖЕНЕДЕЛЬНИК

Советской Юстиции

РЕДАКЦИЯ и КОНТОРА:

Москва, Кузнецкий Мост, д. 7. Телеф. 2-80-42 3-18-42

ЦЕНА НУМЕРА в Москве и провинции 35 коп.

№ 38-39

19 ОКТЯБРЯ

1925 г.

№ 38-39

Об'яснительная записка к проекту Кодекса законов о браке, семье и опеке 1925 года.

В первые же месяцы своего существования Советская власть декретами «о расторжении брака», «о гражданском браке, о детях и о ведении книг актов состояния», опубликованными 19 и 20 декабря 1917 года, произвела коренной переворот в области законодательства о браке и семье. Как указывал еще в 1919 году В. И. Ленин в своей речи на конференции московских рабочих, именно в этой области буржуазное законодательство, даже в самых передовых странах, использовало более слабое положение женщины, сделав ее неравноправной и унизив ее. Неравноправный и неразрывный законный брак, по определению буржуазных юристов, составлявший, прежде всего, союз имуществ, в котором за мужчиной признавалось право руководителя такого союза, право навязывания женщине своего местожительства, своей национальности, своей фамилии, право решающего голоса в воспитании детей и т. д., был решительно отмечен революционным законодательством так же, как и «религиозное освящение» этого рабства.

Указанные декреты, а также и построенный всецело на основе их Кодекс законов об актах гражданского состояния 1918 года определили основную позицию Советской власти в области брачного и семейного права. Кодекс 1918 года, прежде всего, отнял всякое юридическое значение у церковного брака, установив брак гражданский (советский); установил далее полное равенство обоих супругов и обоих родителей, ввел свободу расторжения брака по воле любого из супругов, раздельность имущества наряду с взаимной материальной поддержкой и, что особенно важно, провел полное уравнение детей в зарегистрированном и фактическом браке. Этот Кодекс давал целую систему правовых отношений и просуществовал без сколько-нибудь значительных изменений, если не считать упрощения некоторых моментов записи актов гражданского состояния, около семи лет, и, несмотря на то, что Кодекс вносил коренные изменения в области брака и семьи, особенно для широких крестьянских масс, этот срок оказался достаточным не

только для того, чтобы новый срок правовых взаимоотношений был фактически проведен в самых широких размерах, как показывает статистика, но срок оказался достаточным, чтобы в некоторых отдельных пунктах Кодекс оказался устаревшим.

Разработанный Н. К. Ю. по поручению сессии ВЦИК прошлого созыва проект нового Кодекса о браке, семье и опеке был разослан предварительно на места, подвергся подробному обсуждению в комиссиях СНК и в самом СНК, был принят в основе и с изменениями вносится в настоящее время на утверждение 2 сессии ВЦИК XII созыва. Проект, прежде всего, отличается от Кодекса 1918 года самым своим построением: в то время как Кодекс 1918 г. в первых же своих статьях сосредоточивал свое внимание на организации органов записи или, иначе, оформления брачных и семейных отношений, настоящий проект ставит эти формальные моменты на надлежащее место и все свое внимание сосредоточивает на материальных моментах, т. е. на законах, определяющих права и обязанности, вытекающие из брачных и семейных отношений, независимо от того, оформлены (зарегистрированы) ли эти отношения или нет. Чем объясняется эта разница? В 1918 году отделение церкви от государства только проводилось в жизнь, поэтому впервые революционные законы о браке, естественно направлялись на разрушение церковного брака, как единственного источника по прежним законам материальных прав и обязанностей супругов, и первый Кодекс семейного права—Кодекс 1918 года—был построен, как закон, организующий гражданский (светский) брак. В настоящее время необходимость борьбы с церковным браком, если не отпала совсем, то во всяком случае не имеет прежнего значения, и проект нового кодекса сосредоточивает внимание на защите более слабых субъектов прав семьи и брака. Проект оставляет за официальным оформлением брака значение лишь технического средства удостоверения определенного факта, чтобы облегчить поз-

возможность его доказательств в тех случаях, когда придется защищать свои права, например, при требовании содержания, установлении наследственных прав и проч. Поэтому то положение, которое является основным для прежнего Кодекса, что только гражданский брак, зарегистрированный в органе записей актов гражданского состояния, порождает права и обязанности, вызванное необходимостью противопоставить старому церковному браку гражданский брак, теперь стало излишним, и в настоящем проекте со всей ясностью проведено уравнение материальных прав и обязанностей, вытекающих из брачных отношений, независимо от их регистрации. По проекту «регистрация брака устанавливается с целью облегчить охрану личных и имущественных прав и интересов супругов и детей» (ст. 1-я) и в соответствии с основным положением проекта об уравнении материальных последствий брака, зарегистрированного и фактического, в ряде статей (ст. 2 и примеч. к ст.ст. 9 и 11) сделаны указания, что за лицами, состоящими в фактических брачных отношениях, признаются все те же права, как и за зарегистрированными супругами, с той, очевидно, разницей, что первым, т.е. фактическим супругам, каждый раз придется доказывать перед судом или иным органом правительства свое брачное состояние, когда для последних, т.е. зарегистрированных супругов, оно заранее установлено.

Развод попрежнему предоставлен свободному усмотрению каждого из супругов, и в отношении это проект упрощает процедуру развода, передавая ее органам ЗАГС'а, которым поручена и регистрация брака. Вызов стороны для развода заменяется уведомлением другого супруга в тех случаях, когда развод производится по инициативе одного из них. Чтобы устранить необходимость обращения в суд или к нотариусу для установления взаимного соглашения об имущественных последствиях развода и положения детей, органам ЗАГС'а предоставляется право регистрировать соглашение супругов по этим вопросам с приданием этим соглашениям бесспорного характера и с оставлением за детьми и супругами права отыскивать судом полностью все, что следует, если соглашение умаляет их права.

По действующему Кодексу брак не создает общности имущества супругов: в условиях развития пролетарского трудового строя эта формула является недостаточной. В самом деле, поскольку брак, по нашим воззрениям, лишен какого-либо момента принуждения, постольку само по себе вступление в брак ни в какой степени не может влиять на имущественную самостоятельность супругов, объединяющих принадлежащее им имущество для общей жизни лишь в меру их желания и соглашения. Поэтому, что касается имущества, принадлежащего супругам к моменту начала их брачного союза, то говорить об общности этого имущества в законе излишне, и здесь необходимо предоставить наибольший простор их соглашениям. Эта мысль и закреплена в ст. 10 проекта, предоставляющей супругам, по их желанию, право вступать в любые договорные и имущественные отношения с тем лишь условием, чтобы они не содержали в себе заранее предусмотренного умаления прав жены или мужа, что по закону объявляется не имеющим никакой силы.

В отношении же имущества, нажитого супругами

в течение брака, проект становится на прямо противоположную точку зрения. Брак при советском строе представляет из себя, прежде всего, союз двух трудящихся, где нет возможности расчленить, что из общего имущества в этом союзе и кем именно заработано и принесено для общего пользования; поэтому с правовой стороны диктуется необходимость признать общность прав каждого из супругов на все, что добыто ими за время совместной жизни. Эта потребность выявлена нашей судебной практикой, которая установила еще в 1922 году, что даже в тех случаях, когда один из супругов, обычно жена, ограничивается работой только по обслуживанию семьи, не принося никаких доходов извне, как это делает муж, она производит, однако, полезную работу, вполне соответствующую работе мужа, почему и имеет полное право на получение своей доли из общего имущества при расчленении брачного союза в меру вложенного труда. Это вполне отвечает и бытовым условиям и правосознанию крестьянства, выраженному в статьях Земельного Кодекса, касающихся семейно-имущественного раздела и устанавливающих, что лицо, входящее в трудовое сельскохозяйственное хозяйство путем брака, становится полноправным и равноправным членом крестьянского двора. Поэтому в ст. 9 проект устанавливает общую собственность супругов на все то имущество, какое у них явилось в результате их совместной брачной жизни, не ставя себе явно безнадежной и принципиально неправильной задачи учесть и расценить, что и в какой мере кто из супругов внес в это общее достояние.

При определении правоотношений детей и родителей проект сохраняет основные положения Кодекса 1918 года. Он, прежде всего, в полной мере сохраняет значение фактического момента при определении прав ребенка в браке незарегистрированном и полную свободу доказательств для установления этого момента, а также исключительное значение интересов ребенка и решительное предпочтение их каким бы то ни было интересам и желаниям родителей. Так называемые родительские права мыслятся по проекту отнюдь не как права над ребенком, а права во имя ребенка. Это принципиальное положение проводится во всех статьях, говорящих о правах родителей; с полной последовательностью проект разрешает с этой точки зрения и вопросы о возможности оспаривания происхождения ребенка от лица, которое значится его родителем по записи в актах гражданского состояния, о возврате родителями ребенка, находящегося на попечении других лиц или усыновленного другими лицами в отсутствии родителей.

Действующий Кодекс не знает усыновления (ст. 193). Такой решительный отказ от возможности принятия в семью чужого ребенка и уравнения его в правах с собственными детьми объясняется, во-первых, опасением того, что путем усыновления будет искусственно расширен круг лиц, имеющих право на получение в свое распоряжение трудового хозяйства в порядке прежнего декрета об отмене наследования, во-вторых, опасением эксплуатации малолетних, которые под покровом мнимого усыновления попадали бы в даровые рабочие, не защищенные трудовыми законами и надзором, и, наконец, в-третьих, тем, что в период издания Ко-

дека законов об актах гражданского состояния предполагалось широко поставленное общественное воспитание детей, устранявшее детскую беспризорность, патронаж, и другие формы призрения сирот и подкидышей. В настоящее время условия значительно изменились. Работа учреждений охраны материнства и младенчества, опекунских учреждений ОНО, учреждений по борьбе с детской беспризорностью показывает, с одной стороны, всю общественную остроту детской беспризорности, заставляющую использовать все способы попечения о детях и в том числе включение их в чужие семьи, а с другой стороны, значительное число вполне добросовестных заявлений о желании взять ребенка к себе в семью, которым нет оснований противодействовать; наконец, попрежнему в крестьянском быту имеет широкое применение приютчество, не отличающееся по существу от усыновления. Поэтому необходимо было прийти к заключению, что дальнейшее недопущение усыновления было бы бесцельно, нецелесообразно и шло бы без всякой надобности против требований жизни. Проект предоставляет разрешение вопроса об усыновлении опекунским учреждениям, а право усыновления всем имеющим право быть опекуном.

Вводя соответственно выяснившейся потребности усыновление, проект в то же время ограничивает круг лиц, имеющих право на получение содержания, и в свою очередь, обязанных доставлять его, лишь кругом родителей и детей. Проект не содержит положения, имевшегося в прежнем Кодексе, по которому нуждающиеся родственники по прямой и нисходящей линии, а также полнородные братья и сестры имеют право на содержание от своих состоятельных родственников (ст. 72).

Таким образом, в соответствии с Гражданским Кодексом, признающим узкий круг лиц, имеющих право наследования, проект решительно порывает с тем понятием законного брака и неразрывно с ним связанного понятия законного родства, которые составляют существеннейшие нормы буржуазного права и буржуазного строя.

Переходя к опеке, проект, прежде всего, остановился на вопросе о том, можно ли оставить теперешний порядок, при котором дело опеки фактически разделено между 4-мя ведомствами: НКПромом, НКЗдравом, НКСобесом и НКВнуделом. Такое разделение понятно для периода 1919—20 г.г., ибо при отсутствии частных имущественных интересов все дело опеки сводилось почти целиком к личному попечению. Теперь, когда на ряду с личным попечением выросла сложная сеть имущественных отношений и встала необходимость представительства и защиты, эти обязанности не укладываются в ведомственную компетенцию и обычный круг дел перечисленных наркоматов.

Проект выдвигает на первый план правовую сторону опеки, считая существенно необходимой задачей опеки заботу по отыскиванию алиментов, лишению родительских прав и пр. Исходя из этих соображений, проект предлагает сосредоточить все виды опеки в местных исполкомах.

Проект исключает совершенно опеку над расточителями, как несоответствующую современному строю. К массам рабочих, не имеющих имущественных ценностей, которые требовали бы особых мер охранения, понятие расточительности непри-

менимо; в крестьянской семье охрана трудового земледельческого хозяйства осуществляется ст. 69 Земельного Кодекса; масса советских служащих и иных трудящихся находится в одинаковом положении с рабочими; таким образом, остаются лишь круги нетрудового населения, особая охрана интересов которого не может входить в задачи рабоче-крестьянского законодательства.

С другой стороны, проект включает в число опеки представительство имущественных интересов лиц, которые не могут быть установлены персонально в данный момент, — безвестно отсутствующих и неявившихся наследников. Такого рода опеки неизвестны действующему Кодексу, изданному в период почти полного отсутствия частных-правовых отношений. В настоящее время потребность в таких видах опеки очевидна.

Так как все спорные вопросы личного попечения имущественной заботой подопечных будут разрешаться в обычном судебном порядке, как споры о правах, проект считает, что прочие вопросы организационного построения и имущественного управления опеки не выходят из круга дел местного значения и что поэтому все такие вопросы должны найти себе окончательное разрешение в губернском (областном) исполнительном комитете, как высшем органе местной власти.

Проект дает в соответствии со ст. 9 Гражд. Кодекса определение попечительства, как учреждения вспомогательного для лиц дееспособных, но не обладающих всей полнотой физических и умственных сил, необходимой для правильной защиты своих интересов (ст. 54 и ст. 70 проекта).

Процессуальная сторона (раздела IV проекта), по образцу наших процессуальных законов, устанавливает лишь основу регистрации так называемых актов гражданского состояния: рождения, смерти, брака, развода, усыновления и пр., отбрасывая все технические подробности, которые могут по соображениям делопроизводственной техники разрабатываться и меняться в инструкционном порядке.

Из отдельных норм этого последнего раздела останавливают на себе внимание, как новое упорядочение процедуры регистрации брака, предоставление возможности уделить этому моменту достаточное время и внешне обставить его в соответствии с той значительностью личного переживания, которое обычно с ним связано. Жизненные наблюдения заставляют согласиться с тем, что полное отсутствие какого-либо внешнего выявления момента регистрации, совершаемой среди обычной обстановки спешной канцелярской работы, обесценивает в глазах широких масс значение регистрации. Отрицая всякую обрядность брака, проект тем не менее устанавливает определенную и необходимую минимальную процедуру: совершение регистрации не случайным техническим сотрудником канцелярии, а ответственным должностным лицом, прочтение самого акта, и допускает при этом присутствие свидетелей, приглашенных брачующимися.

Проект и с внешней стороны отличается от действующего Кодекса в размерах и по изложению. Давая основные материальные законы о браке, семье и опеке и выпуская всю ту процессуальную сторону, которая в действующем Кодексе как бы заслоняет его основное содержание, проект взамен 246 статей

действующего Кодекса 1918 г., значительное количество которых содержало правила формального и делопроизводственного характера, имеет вдвое меньше статей и как по своему содержанию так и

по форме изложения дает возможность усвоения его широкими массами трудящихся.

Народный Комиссар Юстиции Д. Курский.

Об'яснительная записка к проекту Уголовного Кодекса.

Предлагаемый рассмотрению сессии ВЦИК проект «изменений Уголовного Кодекса РСФСР» по существу представляет собой заново переработанный Уголовный Кодекс и войдет в нашу судебную практику под названием «Уголовного Кодекса в редакции 1925 года» в отличие от редакции 1922 года, когда впервые ВЦИК'ом был принят и введен в жизнь Уголовный Кодекс, подвергавшийся на последующих сессиях лишь незначительным изменениям, но не коренной переработке.

Причины, которые послужили основанием для переработки Уголовного Кодекса, отнюдь не заключались только в необходимости привести действующий Уголовный Кодекс в соответствие с «Основными началами уголовного законодательства Союза», принятыми второй сессией ЦИК Союза в октябре 1924 года. Сверх этого таких причин было две, из которых каждая должна была быть признана совершенно достаточной именно для коренной переработки Кодекса.

Первая заключалась в явном, и не только терминологическом несоответствии содержания ряда руководящих статей общей части нашего Уголовного Кодекса, окончательно откristаллизовавшимся к настоящему моменту основным воззрениям советского права. Общая часть Уголовного Кодекса в редакции 1922 года, осправившая, как и весь Кодекс, известный переходный момент, употребляла такие чуждые нашим правовым воззрениям и перешедшие к нам лишь по традиции, по наследству от старого буржуазного права термины, как «кара», «наказание», «вина», «вменяемость» и т. д., и содержала в себе некоторые статьи, в которых эта терминологическая невыдержанность превращалась в невыдержанность по существу, отражаясь вслед за тем и на всем практическом проведении советской судебной политики. Для примера можно указать на статьи общей части, трактовавшие о покушении и приговоре к преступлению, или такие статьи особенной части, как статьи о краже, различавшие в дробных подпунктах всевозможные виды кражи и в соответствии с этими видами определявшие более или менее суровые виды репрессий. Народный Комиссар Юстиции, поставленный перед заданием переработать общую часть Уголовного Кодекса в соответствии с принятыми ЦИК Союза «Основными началами», откуда уже были изгнаны все эти остатки прежних правовых воззрений, должен был взамен чисто редакционных изменений прийти к необходимости коренной переработки. Одновременно эта переработка диктовалась, сверх того, и тем обстоятельством, что Кодекс 1922 г. был написан языком тяжелым, мало понятным для широких масс, принося в жертву точности юридической формули-

ровки соображения доступности Кодекса для широких трудящихся масс.

Вторая причина, заставившая НКЮ значительно расширить границы своей работы и выйти за пределы, указанные прямым постановлением Президиума ЦИК Союза и ВЦИК, заключается в том, что при переработке особенной части Кодекса НКЮ признал необходимым провести коренную его реформу в направлении понижения санкций по всем статьям. До переработки Кодекса НКЮ мог проводить эту политику снижения лишь в порядке отдельных судебных приговоров. Между тем, Кодекс 1922 года, изданный, как первый опыт перехода от эпохи назначения репрессий «по революционному правосознанию» к периоду назначения их в порядке точно определенных законом пределов «не ниже» или «до», невольно должен был отразить в себе переломный характер момента своего создания; широкий и щедрый размах при назначении репрессий, свойственный эпохе ожесточенной борьбы в обстановке военного коммунизма и гражданской войны, тоже отразился и на Кодексе¹⁾. Если в эпоху 1918 года были обычны приговоры на 35, 25, 15 и т. д. лет тюремного заключения, после такого размаха в эпоху 1922 года назначение меры репрессий в виде года лишения свободы представлялось пустяком, о котором не стоило говорить. Реально, на практике, это привело к фиктивности всяких длительных сроков, систематической загрузке и систематическим же разгрузкам тюрем постановлениями административных органов.

НКЮ считал необходимым поставить предел этому, с одной стороны, и, с другой, привести в равновесие с правовым сознанием времени 1925 г. меры и пределы репрессии, отличавшие эпоху 1922 года. Эти две причины, однако, потребовали производства огромной работы, в результате чего особенная часть подверглась не меньшей, если не большей, коренной переработке, чем общая часть.

Обе эти причины в своей совокупности сделали то, что в законченном виде Наркомюст мог представить работу только к октябрьской сессии, а не к 1 марта 1925 г., как он был обязан постановлением ВЦИК. В виду чрезвычайной сложности произведенной работы, мы в нашем изложении коснемся лишь ряда принципиальных вопросов, поскольку всех деталей произведенной работы в об'яснительной

¹⁾ Хотя наше законодательство указанной эпохи не по одному акту (закон 1921 года о максимальном 5-летнем сроке лишения свободы), но направлено к снижению репрессий, который как раз и был вызван практикой и значения длительных сроков, мы не будем его во внимание, т. к. в условиях той обстановки он не мог быть долговечным, и Кодекс 1922 г. дал максимум в 10 лет.

важности к закону охватить невозможно, да и нужно¹⁾.

ОБЩАЯ ЧАСТЬ.

Первое принципиальное нововведение в общей части Уголовного Кодекса представляет собою 1-я статья проекта, вводящая в Кодекс новый раздел: «О задачах уголовного законодательства РСФСР», раздел, которого вовсе не было в редакции 1922 года и который представляет собой изложение ст. 1 «Основных начал уголовного законодательства Союза ССР». Введенная статья в предлагаемой проектом редакции, однако, отличается как от редакции «Основных начал», так и от трактованной приблизительно о том же статьи 5-й Кодекса 1922 года.

«Уголовное законодательство Союза ССР и союзных республик имеет своей задачей судебно-правовую защиту государства трудящихся от общественно-опасных деяний, подрывающих власть трудящихся или нарушающих установленный ею правопорядок»,—так говорят о задачах уголовного законодательства Союза «Основные начала»; «задачи эти,—продолжают они,—осуществляются путем применения к правонарушителям меры социальной защиты в порядке, устанавливаемом законодательством Союза ССР и союзных республик на основании общих начал, изложенных в следующих статьях...».

Вместо этой статьи, изобилующей мало понятными терминами, как «судебно-правовая защита», «общественно-опасное деяние», «правонарушители», «мера социальной защиты» и т. д., редакция статьи проекта гласит: «Уголовное законодательство РСФСР имеет задачей охрану социалистического государства рабочих и крестьян и установленного в нем правопорядка от общественно-опасных действий (преступлений) путем применения к лицам, их совершившим, указанных в настоящем Кодексе мер».

Проект сознательно изгоняет из нашей терминологии все непонятные слова, в крайнем случае давая им в скобках общепонятное обозначение, и отказывается от употребления принятого «Основными началами» термина «меры социальной защиты». Если термин «наказание» мы, вместе с «Основными началами», считаем невозможным употребить по соображениям принципиальным, как и термины «возмездие» и «кара», то проект избегает и термина «мера социальной защиты», как непонятного не только широким народным массам, но едва ли точно и отчетливо воспринимаемого сознанием и более квалифицированных работников. «Меры социальной защиты»—от чего и чего? На оба эти вопроса этот термин сам по себе не дает ответа без специального объяснения, это объяснение нужно добавить, термин поэтому непонятен. Может-быть, было бы более правильным употребить здесь термин «меры государственной самозащиты» или «общественной самозащиты», или прямо «самозащиты», что уже вскрывало бы социально-политическое

содержание института суда и судебных репрессий. Но и такая терминология нуждалась бы в специальном объяснении. Проект Кодекса 1922 года поэтому предпочитает, вовсе отказавшись от подыскания специального термина взамен старого «наказания», ограничиться только ссылкой на «ниже следующие указанные в Кодексе меры», не стремясь в самом термине, уже в его названии, вскрыть его социальное содержание.

Одновременно в той же первой статье мы не видим обычного для юристов указания на то, что уголовное законодательство охраняет государство и общество как от общественно-опасных действий, так и от общественно-опасного бездействия, представляющего собой в определенной обстановке преступление. Юридическая терминология здесь также сознательно приносена в жертву интересам общепонятности и общедоступности изложения нашего Кодекса.

Характерным является также исключение из статьи первой упоминания, имевшегося в статье 5 действующего Кодекса, о том, что Уголовный Кодекс охраняет государство не только от общественно-опасных действий, но и от общественно-опасных элементов, хотя бы и не совершивших какого бы то ни было общественно-опасного действия. Эта задача, как мы увидим ниже, практически проектом Кодекса разрешается в гораздо большей степени, чем Кодексом 1922 года. Но проект считал ненужным упоминать об этом в основной декларативной статье, поскольку общественно-опасными элементами все же могут быть, согласно проекту, признаваемы лишь лица, влиявшие своей опасностью в связи с своими действиями в настоящем или прошлом или по своей связи с преступной средой, дающей основания опасаться совершения таких действий в будущем, ибо без предположения о возможности таковых они не могут, конечно, подвергаться никаким мерам репрессии.

Гораздо подробнее и с большей юридической точностью говорит об этом проект, когда он устанавливает, что он признает общественно-опасными действиями и в отношении юго он считает возможным применять соответствующие меры. В статьях 6 и 7 общей части проект признает «общественно-опасным всякое действие или бездействие, направленное против советского строя или нарушающее правопорядок, установленный рабоче-крестьянской властью на переходный к коммунистическому строю период времени», считать подлежащими судебному воздействию как лиц, «совершивших общественно-опасное действие», так равно и тех, кто представляет собою опасность лишь «по своей связи с преступной средой или по своей прошлой деятельности».

Этот последний принцип, чуждый буржуазному праву, был известен и Кодексу 1922 года, в статье 49 общей части указывавшему на право суда применять в отношении таких лиц высылку из определенной местности. Действующая статья 49 допускала, однако, применение этой высылки, как говорилось, лишь «в случае признания судом лица по своей преступной деятельности или по связи с преступной средой данной местности социально-опасным». Предварительно, по действующему закону, здесь все же предполагалось, во-первых, привлечение к суду за какое-нибудь определенное действие, без чего вообще

¹⁾ Раньше внесения Коллегией Наркомюста проекта в Совнарком он был предметом разработки отдельной комиссии, проработан затем целиком вместе с Верховным Судом РСФСР, переработан вновь в двух чтениях в Коллегии Наркомюста и согласован с отзывами, по ту авшими с мест и со стороны всех заинтересованных работников и во от тв. После внесения в СНК он был рассмотрен в комиссии Малого СНК, непосредственно—в Малом и, наконец, в Большом СНК РСФСР.

не мог иметь места судебный процесс, и, во-вторых, признание судом данного лица социально-опасным лишь для данной местности.

«Основные начала уголовного законодательства Союза» ст. 22-й расширили это право суда, уполномочив его назначать как высылку, так и ссылку в отношении социально-опасных лиц, как в случае, когда они, будучи привлечены, обвинялись в совершении определенного преступления, но были оправданы, так и в отношении лиц, «признанных по своей преступной деятельности или по связи с преступной средой данной местности социально-опасными», даже если они и не были привлечены по обвинению в конкретных преступных действиях. В этом последнем случае это привлечение по обвинению в «социальной опасности» «Основные начала» обставляют лишь особыми процессуальными гарантиями. Проект 1925 года декларирует это право суда, как основную линию судебной политики советской власти, перенеся упоминания об этом праве в раздел об «общих началах уголовной политики РСФСР» (ст. 18 проекта). Основное начало всей нашей судебной политики, основной принцип всего нашего советского права, стержень, вокруг которого вертятся все наши конкретные практические мероприятия и теоретические построения, основная идея нашего уголовного права—борьба с социальной опасностью, которую представляет собой данное лицо, с угрозой, которую он в себе несет для установленного общественного правопорядка,—нашли здесь свое наиболее яркое отражение. Проект повторяет затем лишь требования «Основных начал» об особом процессуальном порядке таких привлечений (ст. 36 проекта). Одновременно проект ограничивает меры, которые в этих случаях могут быть применены судом. Ст. 18 и дополняющая ее 36 статья допускают в этих случаях лишь удаление из пределов Союза или из пределов РСФСР, удаление из пределов данной местности с обязательным поселением в иных местностях или без такового, поражение политических и отдельных гражданских прав, увольнение от должности, запрещение занятия той или иной деятельностью и промыслом и предостережение. Никакие иные меры в этих случаях недопустимы. Что же касается, в частности, «удаления с поселением в определенной местности» (ссылки), то статья, согласно точного смысла ее, допускает эту меру лишь в случаях привлечения по обвинению или подозрению в совершении наиболее тяжких преступлений, как контр-революция, бандитизм, изготовление фальшивых денежных знаков, контрабанда, отдельные виды квалифицированной кражи, притонсодержательство, сводничество и т. д.

Статьи 2, 3, 4 и 5 проекта рассматривают вопросы и случаи ответственности по Кодексу РСФСР как граждан РСФСР, так и граждан иных союзных республик и иностранцев во всех случаях совершения ими преступлений на территории РСФСР, на территории Союза и за пределами Союза. Эти статьи содержат лишь редакционные исправления в соответствии с «Основными началами» и фактом образования Союза.

Принципиальное нововведение содержит ст. 13, которая в прямое отступление от «Основных начал» устанавливает давность в пять лет не только по тем преступлениям, за которые закон определяет лишение свободы не ниже одного года, но и по тем, за

которые судом может быть назначено лишение свободы свыше пяти лет. Это дополнение крайне необходимо, т. к. текст «Основных начал», благодаря редакционному пробелу, допускал положение, при котором за преступление, преследуемое лишением свободы до десяти лет, давность определялась в три года, как и за любое мелкого характера нарушение, что, конечно, не могло отвечать задачам борьбы с социально-опасными явлениями.

Радикально переработаны статьи, трактующие о покушении и приготовлении, о чем мы уже отметили выше. Действующий текст различает приготовление к преступлению и покушение на преступление, а в дальнейшем различает и оконченное покушение от неоконченного покушения, стремясь одновременно дать точное юридическое определение того, что такое приготовление к преступлению и что такое покушение. В развитие основной идеи буржуазного права о том, что каждому воздается по делам его, действующий закон считает, как общее правило, приготовление к преступлению не подлежащим какому-либо преследованию со стороны государства, преследуя его лишь в случаях, если оно само по себе содержит преступление. В силу этого по действующему закону не подлежат преследованию такие действия, как покупка фальшивомонетчиками бумаги или литографского камня для печатания фальшивых червонцев, покупка или заготовка оружия для совершения какого-либо преступления. Закон допускал лишь в 12-й статье, и то лишь по специальному изменению в первой редакции 1922 года, что независимо от недоказанности преступления от суда зависит применить в отношении привлекаемых лиц, признанных им социально-опасными, те или иные меры социальной защиты. С другой стороны, действующий закон всякое покушение к совершению преступления приравнивал к совершению, и лишь в случаях, когда покушение не доводилось до конца по собственному побуждению покушавшегося, преследовал последнего лишь за те преступления, которые им фактически совершены.

Предлагаемый проект кардинально порывает со всем этим наследием прошлых времен и стремлением «юридически» разграничить покушение и приготовление и дает, вместо всех прежних статей единый текст статьи 19, который гласит: «покушение на какое-либо преступление, а равно и приготовительные к преступлению действия, выражающиеся в приискании или приспособлении орудий, средств и создании условий преступления, преследуются так же, как совершенное преступление, при чем суд при выборе судебно-исправительной меры должен руководствоваться степенью опасности лица, совершившего покушение или приготовление, степенью подготовленности преступления и близостью наступления его последствий, а также рассмотрением причин, в силу которых преступление не было доведено до конца.

В случаях, если преступление не было совершено по добровольному отказу лица, намеревавшегося совершить это преступление, от его совершения, суд устанавливает соответствующую меру за те действия, которые фактически были совершены покушавшимся или приготовлявшимся».

Это приведение знака равенства между приготовлением и покушением представляет шаг вперед

и подверглось подробному обсуждению при прохождении проекта в комиссиях.

Статья 20 проекта вводит принципиальное нововведение в лестницу судебно-исправительных мер, подлежащих применению по суду, устанавливая мерой воздействия в соответствии с «Основными началами» «объявление врагом трудящихся с лишением гражданства Союза ССР и обязательным изгнанием из его пределов навсегда». Эта мера, практиковавшаяся в первые годы создания советской власти, была: изъята затем из нашей практики в виду ее реальной неосуществимости в эпоху гражданской войны и войны со всем буржуазным миром. Она восстанавливается ныне как мера и политически-целесообразная, и достаточно реальная, вполне применимая объективно в настоящий момент сравнительно устойчивого положения советского государства среди буржуазных стран.

Нововведением является и отказ проекта от индиксаторной формулы расстрела, принятой в тексте 1922 г. и выражавшейся в термине: «высшая мера наказания». Вместо текста 33 статьи Общей части действующего Кодекса, пояснявшей, что надлежит понимать под «высшей мерой наказания», когда о таковой говорится в особенной части, проект 1925 г. прямо указывает, что в порядке «исключительной меры, в случаях, специально статьями Кодекса указанных, в качестве исключительной меры охраны государства применяется «расстрел». Соответственно с этим в отдельных статьях особенной части применение расстрела употреблено текстуально, без обращения к упомянутой выше индиксаторной формуле.

Практически проект, однако, значительно сокращает применение расстрела, поскольку по статье 21, согласованной с «Основными началами», расстрел впредь может быть применен судом не вообще для борьбы с наиболее тяжкими преступлениями, как говорил действующий Кодекс, а лишь для борьбы с преступлениями, «угрожающими основам советской власти и советского строя». Целый ряд тяжких преступлений не будет отвечать этому требованию.

Из иных мер репрессий, вводимых проектом и являющихся новшеством, мы отметим «поражение политических и отдельных гражданских прав», о которых, в частности, ничего не говорят «Основные начала». Под отдельными гражданскими правами проект подразумевает сейчас по п. «г» ст. 20 право занятия выборных должностей в промышленных или торговых организациях и обществах и поражение родительских прав. Эти два нововведения, при чем последнее подлежит применению лишь в случаях установления судом злоупотребления родительскими правами со стороны осужденного, представляют собой принципиальное новшество, вносимое проектом. В соответствии с этим в ст. 38 почти расшифрована такая мера, как запрещение занятия определенной деятельностью или промыслом. Это последнее детализируется в том смысле, что закон прямо говорит, что суд вправе «воспрепятствовать осужденному заниматься промышленной или торговой деятельностью, принимать на себя обязательства по государственным подрядам и поставкам, заключать сделки с госу-

дарственными, общественными и кооперативными предприятиями и учреждениями, руководить от себя или по поручению других лиц торговыми или комиссионными предприятиями».

В высокой степени принципиальным является затем следующее отступление от «Основных начал», которое допускает проект в ст. 47 и 48, настолько принципиальным, что по поводу него НКЮ, а затем и Совнарком, сочли необходимым войти со специальным ходатайством в сессию ВЦИК на предмет постановки общего вопроса в ЦИКе Союза о соответствующем изменении «Основных начал». Вопрос идет об обязательном предписании суду принимать во внимание те или иные обстоятельства при назначении меры репрессии, смягчающие или отягчающие последнюю. Текст «Основных начал» в этом отношении предписывает суду определение меры социальной защиты после разрешения вопроса об общественной опасности рассматриваемого преступления, принимать более строгие меры защиты, если преступление, как говорит п. «б» 31-й статьи «Основных начал», совершено лицом, «в той или иной мере связанным с принадлежностью в прошлом или настоящем к классу лиц, эксплуатирующих чужой труд». В соответствии с этим по п. «б» ст. 32 «Основных начал» более мягкая мера социальной защиты должна определяться судом, если преступление совершено «рабочим или трудовым крестьянином».

Так же, как и НКЮ, Совнарком РСФСР не считал возможным в порядке обязательной директивы указать суду, что он должен обязательно смягчить или обязательно увеличить меру репрессии в соответствии с этими двумя обстоятельствами. Народный Комиссариат Юстиции полагает, что в определенный момент и в определенных условиях принадлежность в прошлом или настоящем к классу лиц, эксплуатировавших чужой труд, не может быть обязательно признаваема усиливающим репрессию обстоятельством и, наоборот, что могут быть такие условия и такие преступления, при которых совершение их рабочим или трудовым крестьянином должно быть не смягчающим, а отягчающим репрессию обстоятельством. НКЮ полагает, что такого рода категорическое указание суду способно породить лишь ряд недоумений, а то и извращений и отступлений от того основного принципа судебной политики, согласно которому суд прежде всего и раньше всего охраняет интересы государства и рабочего класса в целом, по отношению к которым интересы отдельного рабочего или крестьянина могут быть и должны быть не раз приносимы в жертву. Народный Комиссариат Юстиции усматривает в таком категорическом указании суду извращение правильного понимания классового принципа нашей судебной политики, и поэтому он не считал возможным включение его в текст общей части в качестве категорической императивы суду. Этот вопрос подлежит специальному обсуждению на сессии ВЦИК.

К сожалению, в общей части, как и в «Основных началах», не нашла своего отражения последняя новелла, вошедшая в практику наших судов, о праве суда прекращать полностью уголовное преследование, если суд придет к заключению о нецелесообразности вообще судебного преследования по дан-

ному делу и применения соответствующей меры репрессии не только в момент, но и до вынесения приговора. Это последнее дополнение (так назыв. ст. 4-а УПК) будет представлено на обсуждение непосредственно сессии ВЦИК.

ОСОБЕННАЯ ЧАСТЬ.

Обращаясь к Особенной части Угол. Кодекса, необходимо прежде всего указать на факт включения в проект раздела «о контр-революционных государственных преступлениях». По соответствующей статье «Основных начал» статьи Уголовного Кодекса, трактующие о государственных преступлениях, не подлежат изданию в порядке республиканского законодательства. Поэтому весь раздел должен быть разработан непосредственно Союзом и затем текстуально включен в уголовные кодексы союзных республик, подобно тому, как таким же образом принят прошлой сессией ЦИК раздел «о воинских преступлениях», хотя закон о воинских преступлениях до сих пор, однако, еще не издан. Соответственно этому Наркомюст, а затем и Совнарком, предлагают ВЦИК взять на себя инициативу издания общесоюзного закона, представив разработанный ими проект в ЦИК Союза для принятия его в общесоюзном масштабе.

В разделе о контр-революционных преступлениях обращает на себя внимание, прежде всего, дополнение к основной дефинирующей статье, заключающее в себе декларативное признание того, что «в силу международной солидарности интересов всех трудящихся те же действия признаются контр-революционными и тогда, когда они направлены на всякое другое государство трудящихся, хотя бы и не входящее в Союз ССР».

С точки зрения юридической, безусловно представляется сомнительной целесообразность для РСФСР закона, сохраняющего чужие государства, за преступления, совершенные на чужой территории. Мы, однако, справедливо полагаем, что принятие этого абзаца политически целесообразно и вытекает из общей части Кодекса, которая предусматривает и преступления иностранцев, направленные против военной мощи РСФСР, хотя бы и совершенные за границей, и преступления русских граждан общего характера, но совершенные за границей, и как те, так и другие признает подлежащими рассмотрению нашими судами. Мы не видим оснований, почему бы более сильное и мощное государство не приняло на себя, исходя из интересов международной солидарности, охраны родственного ему по духу собрата. Во всяком случае, не формального характера препятствия могут здесь остановить советское право.

Все до одной статьи проекта предоставляются затем более точными в сравнении с действующим Кодексом. Из отдельных статей нужно отметить, прежде всего, статью 61, преследующую участие в фашистских организациях международного характера, преследующую «участие в созданных международной буржуазией организациях, борющихся против советской власти». Она заменила собой прежнюю статью, говорившую об участии «в организациях, направленных в помощь международной буржуазии». Последние события международной обстановки заставили советскую власть поставить в по-

рядок для непосредственную борьбу против опасности с этой стороны.

Изменена редакционно вторая часть санкции прежней 62 статьи, преследующей участие в политических антисоветских организациях и партиях, «не ставящих своей непосредственной целью вооруженное восстание для свержения советской власти» — вместо расстрела проект определяет лишь лишение свободы на срок не ниже двух лет.

Известная статья «об экономической контр-революции» переработана заново целиком и сейчас преследует лишь «сознательное ослабление власти Рабоче-Крестьянского Правительства разрушением и подрывом государственной промышленности, торговли или транспорта, совершаемое путем соответствующего использования государственных учреждений и предприятий или противодействия их нормальной деятельности», и лишь один случай не прямой контр-революции приравнивается статьей к этим преступлениям, именно, «использование государственных учреждений и предприятий или противодействие их нормальной деятельности, совершаемое в интересах бывших собственников или заинтересованных капиталистических организаций».

Новая редакция кладет предел тому распространительному толкованию понятия «экономической контр-революции», которое имело место до сих пор и против которой с большим основанием восставали и наши хозяйственники и Наркоминдел. Соответственно целиком включена в проект уже принятая и опубликованная 14 августа ЦИК'ом Союза статья об экономическом и всяком ином шпионаже.

В совершенно особую статью (68) выделен «контр-революционный саботаж», определенный как «сознательное неисполнение кем-либо определенных обязанностей или заведомо небрежное их исполнение со специальной целью ослабления власти правительства и деятельности государственного аппарата». И, наконец, полностью исключена из раздела о государственных преступлениях и вовсе из Кодекса бывшая статья 73, преследовавшая «измышление и распространение в контр-революционных целях ложных слухов или непроверенных сведений, могущих вызвать общественную панику, возбудить недоверие к власти или дискредитировать ее». НКЮ совершенно основательно полагает, что в настоящий момент какие бы то ни было непроверенные слухи и сведения едва ли могут быть признаваемы общественно-опасным явлением и что обывательской болтовней следует бороться иными мерами, а не мерами судебной репрессии.

Что касается санкций, то хотя по большинству этих статей расстрел сохранен, но, как общее правило, в противоположность действующему Кодексу, который шел от расстрела вниз к смягчающим обстоятельствам, проект 1925 года идет от лишения свободы не ниже двух лет (в действующем Кодексе — не ниже пяти лет) вверх по мере нарастания отягчающих обстоятельств. В этом также сказывается общая тенденция проекта к снижению мер репрессии.

Преступления против порядка управления.

В разделе о преступлениях против порядка управления, насчитывающем теперь, благодаря более шра-

виальному разнесению статей по категориям, 56 статей, вместо прежних 31, общее снижение мер репрессии, как и во всем Кодексе, проведено по системе замены определений вместо «не ниже пяти лет» — «не ниже двух лет» вместо «не ниже двух или трех лет» — «не ниже одного года», а для большинства статей, определяющих максимальные сроки, вместо «до пяти лет» — «до двух лет», «до трех лет» — «до одного года» и т. д.

Из отдельных статей важно отметить следующие статьи: более правильную редакцию 74 статьи, предусматривающую теперь «бандитизм, т. е. организацию банд (вооруженных шайк) и участие в них и организуемых ими разбойных нападениях и ограблениях...» и т. д. вместо прежнего текста, преследовавшего «организацию и участие в бандах (вооруженных шайках) и организуемых бандами разбойных нападениях и ограблениях», при чем расстрел по проекту может быть применен лишь в отношении руководителей и организаторов банды и лиц, участвовавших в убийстве при совершении нападения или ранее изобличавшихся в бандитизме».

Практически крупнейшее значение будет иметь новый текст ст. ст. 75, 76, 77, 78, устанавливающих меры судебной репрессии по налоговым делам. Согласно предлагаемому закону и во исполнение постановления последнего Всес. Съезда Советов по проекту 76 статьи преследуется в судебном порядке лишь «злостный, т. е. упорный, несмотря на наличие к тому возможности и предварительное наложение соответствующими органами административного взыскания в порядке правил о взимании налогов и сборов, неплатеж в установленный срок или отказ уплатить в тот же срок причитающиеся налоги».

Таким образом, закон изымает из ведения судебных органов простой неплатеж, отправляя таковой ко взысканию в порядке административном и требуя от суда получения при приеме им к производству дела доказательств того, что неплательщик имел возможность уплатить и все же не платил после наложения административного взыскания, причем и в таких случаях санкция понижена до лишения свободы или принудительных работ на срок до 6 месяцев и штрафа в размере тех же платежей и повинностей.

В раздел преступлений против порядка управления внесены новые две статьи раньше помещавшиеся: одна в разделе о преступлениях против закона об отделении церкви от государства, и другая в разделе о преступлениях контр-революционных, именно, 87 — «агитация и пропаганда, а равно изготовление, хранение и распространение литературных сочинений, прокламаций или листовок, направленных к возбуждению вражды и розни на национальней или религиозной почве», и 88 — «использование религиозных предрассудков масс в целях свержения рабоче-крестьянской власти или для возбуждения к сопротивлению ее законам и постановлениям». Санкция по обоим статьям понижена, и лишь при отягчающих обстоятельствах может иметь место повышение ее до расстрела.

Радикально изменена ст. 92, теперешняя 176, о хулиганстве, устанавливающая судебный порядок разбора дел и санкцию в виде лишения свободы до двух лет для случаев, когда «означенные действия

заключались в буйстве или бесчинстве, или совершены повторно, или упорно не прекращались, несмотря на предупреждение органов, охраняющих общественный порядок, или же по своему содержанию отличались исключительным цинизмом или дерзостью».

Новой статьей в этой главе проекта является статья 98, трактующая об умышленном истреблении или повреждении имущества, принадлежащего государственными учреждениям или предприятиям, а также общественным (кооперативным, профессиональным и т. п.) организациям. Она педалю принята была Президиумом ВЦИК и в проекте дополнена словами: «в том числе электропроводов, средств связи и т. п.». Санкция за это определена в виде лишения свободы на срок до 5 лет с конфискацией имущества или без таковой.

Заслуживает внимания принципиальный спор, имевший место вокруг прежней 95 статьи, теперешней 100, преследовавшей побег из-под стражи. Действующий Кодекс не считал возможным преследование побег из-под стражи, поскольку преследованию подлежит, по мнению законодателя, с т р а ж а, а не бегущий, и преследовал лишь побег с места ссылки или с пути следования к ней, где высланный уже пользуется определенной свободой. Текст проекта восстанавливает и преследование побег из места заключения, если он совершен посредством подкопа, взлома, повреждения стен и т. д., в противоречии с предположением ЦИК Союза, принятым по инициативе Верховного Суда Союза, о преследовании всякого побег. Проект 1925 года стоит на прежней точке зрения, что нельзя преследовать только за то, что преступник убежал из-под стражи, где его скверно караулили. Вопрос этот также подлежит принципиальному обсуждению сессии ВЦИК.

Вызвала много споров 104, прежняя 99, статья, о лесопорубках, из которой исключено сейчас «ведение лесного хозяйства с нарушением установленного платы и разработка недр земли», как действия, не относящиеся совершенно к основному предмету статьи, и репрессия понижена до шести месяцев лишения свободы.

Изменена бывшая 136 статья, теперь 115, о нарушении положений, регулирующих проведение в жизнь государственных монополий, в том числе монополии внешней торговли, с установлением репрессии в виде лишения свободы до 2 лет, с конфискацией всего или части имущества или штрафа до 5 тысяч рублей, вместо прежнего лишения свободы не ниже шести месяцев, без конфискации имущества и без штрафа.

Более правильно отредактирована статья о са м о г о н е — теперешняя 120, а прежняя 140 — со снижением санкции до лишения свободы до двух лет с конфискацией всего или части имущества при приготовлении, хранении и сбыте самогона в виде промывла (простой сбыт не преследуется вовсе) и с предоставлением суду возможности в случаях, когда эти действия «хотя и совершаются в виде промывла, но вследствие нужды, безработицы или малосознательности», назначать лишение свободы на срок до 3-х месяцев или принудительные работы до шести месяцев.

Должностные и хозяйственные преступления.

Раздел о должностных преступлениях подвергнется, прежде всего, переработке в смысле понижения санкций, при чем санкция «не ниже шести месяцев» сохранена лишь для злоупотребления властью и превышения власти. Наоборот, бездействие власти и халатное отношение к служебным обязанностям, обремененные сейчас в одной статье, имеют максимальной мерой репрессии лишение свободы до трех лет, а дискредитирование власти — до двух лет.

По 134, прежней 113, статье оставлен расстрел за присвоение или растрату, совершенную должностным лицом при наличии у него особых полномочий, а равно присвоение им особо важных государственных ценностей. Такая суровая санкция объясняется необходимостью борьбы с эпидемией растрат, имеющей место за последнее время. Предложение уничтожить расстрел за взяточничество было отвергнуто Совнаркомом РСФСР, хотя с точки зрения буквального текста «Основных начал» едва ли можно признать взятку преступлением, непосредственно угрожающим «основам советского строя». Санкция по формуле «не ниже», а тем паче применение расстрела, едва ли точно соответствует «Основным началам». Однако, обстановка диктует необходимость усиления мер борьбы с этим злом, уже принесшим много вреда советскому государству.

Что касается «хозяйственных преступлений», то вместо 25 статей, которые включал этот раздел в действующем Кодексе, новый проект относит сюда лишь 8 статей, при чем за бесхозяйственность (ст. 143), основанную «на неосторожном и в то же время небрежном или недобросовестном отношении к порученному делу лиц, стоящих во главе государственных, общественных или кооперативных учреждений и предприятий, или их уполномоченных, результатом чего явилось расхищение или возмездный ущерб имуществу учреждений и предприятий», устанавливает санкцию лишь в виде лишения свободы до двух лет, а при незначительности причиненного ущерба — дисциплинарное взыскание. Прежняя же статья 128 в этих случаях ставила санкцию не ниже одного года лишения свободы и повышала ее при наличии сговора должностных лиц между собой или с иными лицами до расстрела. Проект этот второй случай злостной бесхозяйственности подводит под следующую 144 ст., преследующую «расхищение государственного, общественного или кооперативного имущества, в частности, путем заключения невыгодных сделок лицом, руководящим государственным, общественным или кооперативным учреждением или предприятием», устанавливая здесь санкцию не ниже года. Расстрел по этой статье исключен.

Принципиально изменена ст. 130, преследовавшая злонамеренное неисполнение обязательств и договоров со стороны контрагентов казны. Проект устанавливает, во-первых, необходимость доказательства злонамеренного характера неисполнения и, во-вторых, в качестве обязательного условия возможности самого возбуждения уголовного преследования предварительное рассмотрение иска казны в порядке гражданского судопроизводства и установле-

ние в этом порядке поводов или фактов, достаточных для возбуждения уголовного преследования по обвинению в злонамеренном неисполнении обязательств.

Это новшество должно будет свести к минимуму дела по этой статье и послужить гарантией к невозбуждению, обыкновенно чрезвычайно сложных и в то же время не раз дутых дел.

Такое же условие необходимости предварительного производства и установления уголовных фактов в судебном или примирительном порядке поставлено и в теперешней 152 статье, преследующей «нарушение нанимателем заключенных им с профессиональным союзом коллективных договоров или тарифных соглашений». Без этого предварительного установления злонамеренности нарушений в судебном или примирительном порядке закон не допускает возбуждения уголовного дела.

Одновременно исключены из раздела хозяйственных преступлений все статьи, относящиеся к изжитому уже периоду нашей хозяйственной жизни: о трудовом дезертизме, о бесхозяйственном использовании рабочей силы, о выдаче заведующим предметами широкого потребления не по назначению, и соответственно перенесены в раздел преступлений против порядка управления статьи о фальсификации продуктов, о нарушении валютных операций, о взимании квартирной платы с рабочих выше установленного предела и т. д.

Преступления против жизни, здоровья свободы и достоинства личности.

Общее понижение санкций по этому разделу проведено в большей степени, чем в других разделах. Из отдельных статей обращает внимание, прежде всего, новая статья 169, преследующая «доведение лица, находящегося в материальной или иной зависимости от другого лица, жестоким обращением последнего или иным подобным путем до самоубийства или покушения на него, а равно содействие или подговор к самоубийству несовершеннолетнего».

Более правильно отредактированы статьи о телесном повреждении и изменена редакция статьи об изнасиловании. Текст новой 171, прежней 169, статьи под изнасилованием понимает «половое сношение с применением физического насилия, угроз, залугивания или использования путем обмана или иных средств беспомощного состояния потерпевшего лица», давая редакцию более широкую, заменившую прежнюю неясную редакцию, преследовавшую «половое сношение с применением физического или психического (?) насилия», при чем закон раньше совершенно не устанавливал, что надлежало понимать под «психическим насилием».

Имущественные преступления.

Что касается имущественных преступлений, то здесь, кроме ряда редакционных поправок, более или менее существенных, обращает внимание, прежде всего, на ряду с объединением отдельных статей о краже, введение статьи, преследующей кражу электрической энергии, с санкцией в виде лишения свободы на срок до одного года.

Введена новая статья 186, трактующая о присвоении находки, как преследуемого законом преступления, и дана совершенно новая редакция статьи 187 о мошенничестве, которое теперь формулировано, как «злоупотребление доверием или обман в целях получения имущества или прав на имущество или иных личных выгод». Прежний закон преследовал только мошенническое получение имущественных выгод.

Наконец, совершенно переработан весь раздел, трактовавший о мерах за нарушение правил, охраняющих народное здравие и общественную безопасность. Опыт показал абсолютную безнадежность попытки предусмотреть законом все случаи возможных нарушений, а равно и совершенную непроизводительность и трудность преследования этих преступлений в судебном порядке. Поэтому вместо такой попытки проект ограничивается перечислением приблизительно в двенадцати статьях тех случаев, для которых он считает установление судебного порядка обязательным, как-то: в случаях приготовления, хранения и сбыта сильно действующих веществ, нарушения правил по охране народного здравия, специально изданных в целях борьбы с эпидемиями, правил о ношении ордена Красного и Трудового Знамени, правил, установленных для размножения и выпуска в свет печатных произведений, сокрытия коллекций, памятных старин, самовольной установки радиоприемников и т. д. За эти нарушения проект устанавливает различные санкции: от двух недель и до 6 месяцев принудительных работ или штрафа до 500 рублей.

Одновременно для всех остальных нарушений закон вводит одну статью 209, к которой относит всякие нарушения обязательных постановлений и устанавливает за них административный порядок преследования с санкцией—принудительные работы до одного месяца или штраф до 100 рублей. Точный текст статьи гласит: «нарушение обязательных постановлений местных органов власти, издаваемых ими в пределах установленной законом компетенции, а равно постановлений, приказов и инструкций отдельных ведомств, издаваемых по уполномочиям законодательных органов, если в них специально оговорено право на установление административных взысканий, влечет за собой» и т. д.

На этой статье после ее принятия должны будут непосредственно базироваться губернские исполнительные комитеты и соответствующие ведомства тогда, когда они будут издавать обязательные постановления. Для них эта статья и будет в этих случаях необходимой правовой опорой в борьбе с этого рода нарушениями.

Указанные нами здесь изменения, конечно, ни в малой степени не могут считаться полностью исчерпывающими всю ту работу, которая была совершена при переработке Уголовного Кодекса. Внимательная работа над ней комиссии ВЦИК, может быть, внесет еще ряд изменений, после которых «Уголовный Кодекс редакции 1925 года» войдет в жизнь в гораздо более совершенном и полном виде, чем «Уголовный Кодекс 1922 года».

По поручению Коллегии Народного Комиссариата Юстиции Н. Крыленко.

Уголовная ответственность родителей за неплатеж алиментов¹⁾.

(К вопросу о применении парсудами статьи 165-а Уг. Код.).

Согласно постановлению ВЦИК'а от 16 октября 1924 г. («С. У.» 1924 г. № 79, ст. 786) в Уголовный Кодекс РСФСР введена новая статья 165-а, карающая за неплатеж алиментов и вообще оставление родителями несовершеннолетних детей без надлежащей поддержки принудительными работами или лишением свободы до шести месяцев или штрафом до 500 рублей.

Применение указанной статьи на практике вызывает целый ряд затруднений. Затруднения эти касаются порядка возбуждения уголовного преследования по ст. 165-а УК, круга деяний, входящих в состав преступления по этой статье, порядка исчисления давностного срока, погашающего противозаконный неплатеж алиментов, и вопроса о преследовании гражданского производства по делу об алименте.

Судебная практика за короткий сравнительно промежуток времени применения статьи 165-а УК не выработала пока однообразного подхода при разрешении постановленных выше, весьма существенных вопросов.

Разбору важнейших вопросов, возникающих на

практике в связи с применением ст. 165-а УК, посвящена статья тов. А. Рабиновича в № 26-1925 г. «Ежен. Сов. Юст.». Автор указанной статьи, анализируя важнейшие затруднения в связи с применением ст. 165-а УК, приходит к следующим выводам: 1) дела о преступлениях, предусмотренных в 165-а ст. УК, могут возбуждаться не иначе, как по частной жалобе заинтересованных в том лиц; 2) для применения 165-а ст. УК необходимо предварительное решение гражданского суда, вступившее в законную силу, и приведение этого решения в исполнение, и 3) давность уголовная для преступления, предусмотренного 165-а ст. УК, должна исчисляться с момента составления подлежащим судебным органом акта или протокола о злонамеренном уклонении обязанного лица от платежа алиментов. На этих выводах в порядке дискуссии мы и остановим внимание читателей «Ежен. Сов. Юст.» и попытаемся обосновать противоположную точку зрения по важнейшим пунктам выводов тов. Рабиновича.

Прежде всего, в обоснование первого тезиса своих выводов о том, что дела о преступлениях, предусмотренных ст. 165-а УК, могут возбуждаться не иначе, как по частной жалобе заинтересованных

¹⁾ Печатается в дискуссионном порядке. Редакция.

в том лиц, автор разбираемой статьи не приводит никаких доводов. Между тем, утверждение т. Рабиновича представляется весьма спорным. Во-первых, положение т. Рабиновича о порядке возбуждения дел по ст. 165-а УК неверно по формальным соображениям, поскольку с введением в Уголовный Кодекс ст. 165-а не был дополнен перечень статей УК, указанных в статье 10 УПК, говорящей о делах, возбуждаемых не иначе, как по жалобе потерпевшего.

Во-вторых, по существу деяния, предусмотренного ст. 165-а УК, нельзя усмотреть оснований, которые бы говорили в пользу предоставления возбуждения преследования за это преступление исключительно воле «заинтересованных лиц». Означенная статья введена в Уголовный Кодекс законодателем в виду большой социальной опасности предусмотренных в ней действий. Возможны такие случаи оставления родителем ребенка без содержания, которые могут привести к гибели ребенка. Ясно, что в таких случаях действия (или бездействие) родителя могут быть квалифицированы и по более серьезной статье главы пятой Уголовного Кодекса. Мыслимы случаи, когда несовершеннолетний под влиянием тяжелых условий жизни, систематического голодания и пр., вследствие оставления его родителями без надлежащего поддержки, кончает жизнь самоубийством. Такие исключительно квалифицированные случаи оставления родителями несовершеннолетних без надлежащей поддержки будут, конечно, вменены в вину подсудимым по другим статьям УК с более высокой карательной санкцией. Новый проект Уголовного Кодекса специально предусматривает подобные случаи в ст. 156, карающей за совершение указанных в ней действий лишением свободы на срок до 5 лет.

Государство пока не может взять на себя целиком обязанности по содержанию детей. На время переходное к коммунизму, на период НЭП'а, обязанность по содержанию детей возложена у нас законом на родителей.

Она формулирована ясно и определенно в ст. ст. 161 и 162 Код. об акте гр. состояния (ст. 40 проекта Кодекса законов о браке, семье и опеке). Содержание детей государством является в данной объективной обстановке исключением из общего правила. Поскольку это так, поскольку от физического содержания детей, не говоря уже о надлежащем их воспитании, зависит качество нашей смены в строительстве коммунизма, предоставление инициативы возбуждения преследования по ст. 165-а УК исключительно воле заинтересованных лиц, возбуждение дела по частной жалобе этих лиц представляется неправильным.

Первый тезис выводов т. Рабиновича в указанной статье неверен и с точки зрения природы дел, возбуждаемых по силе ст. 10 УПК в порядке частной жалобы потерпевшего. С точки зрения основ действующего уголовного права можно привести целый ряд доводов против такого порядка, при котором уголовное преследование возбуждается исключительно по частной жалобе потерпевших. Но все же уголовно-наказуемые деяния, предусмотренные перечисленными в ст. 10 УПК статьями

УК по своей сущности зависят в значительной мере от личных переживаний потерпевшего, от характера его реагирования на действия правонарушителя. Элемент личных переживаний потерпевшего является здесь моментом, квалифицирующим деяния обвиняемого. Поэтому возбуждение преследования по ст. 153, 1 ч. 157, 172, 173, 174 и 175 УК по частной жалобе потерпевшего является логически последовательным.

Совершенно иное мы имеем в составе преступления, предусмотренного ст. 165-а УК. Прежде всего, потерпевшим здесь является несовершеннолетний, от которого может последовать частная жалоба лишь в редких случаях. «Заинтересованные» же лица, о которых говорит первый пункт выводов т. Рабиновича, потерпевшими не являются.

Во-вторых, элемент личных переживаний потерпевших в деянии, предусмотренном ст. 165-а УК, не является существенным для привлечения виновных к ответственности по указанной статье. Социальная опасность этих действий лежит в другой плоскости. Опасность правонарушителей, предусмотренных ст. 156-а УК, требует преследования их в порядке публичного обвинения. Только такой порядок преследования этих общественно опасных действий (бездействий) оправдывает введение в Уголовный Кодекс самостоятельной статьи, карающей за неплатеж алиментов.

Очевидность этого положения особенно убедительна в обстановке некультурного или малокультурного быта отсталых народностей автономных республик и областей Союза, а также в условиях крестьянского быта, когда вследствие правовой и общей неграмотности населения зачастую напрасно было бы ожидать частной жалобы для возбуждения дела по ст. 165-а УК.

В этой области должна быть широко открыта возможность воздействия органов, охраняющих правопорядок, и в первую очередь органов прокурорского надзора. Дознание по ст. 165-а УК может возникнуть как по жалобе матери ребенка, опекуна, так и по заявлению посторонних лиц, должностных лиц местных органов власти, родственников ребенка и пр. Чаще всего дела по обвинению по ст. 165-а УК будут возникать по заявлению матери ребенка, опекуна и вообще лиц, близко стоящих к ребенку по физическому уходу за ним. Но это вовсе не означает, что эти дела могут возбуждаться исключительно в порядке частной жалобы.

Публично-правовой элемент явно преобладает и в гражданском процессе о содержании (алиментах).

Это явствует хотя бы из содержания ст. 101 ГПК, говорящей о случаях привода ответчика в суд по искам об алиментах, а также из примечания к ст. 25 ГПК, допускающего по социальным соображениям отступление для этой категории дел от общего порядка подсудности гражданских дел.

Вопрос о надлежащей карательной политике по ст. 165-а УК в указанной выше обстановке быта малокультурных народностей лежит в другой плоскости, и здесь мы его касаться не будем.

Нам кажется, что при возбуждении дела по ст. 165-а УК и при удостоверении народным судом

злостного уклонения подсудимого от родительских обязанностей в отношении ребенка, оставленного с матерью в безвыходном положении, ни один народный суд не прекратил бы дела только потому, что в деле нет частной жалобы матери ребенка.

Вот почему представляется неверным положение, что «дела о преступлениях, предусмотренных в 165-а ст. УК, могут возбуждаться не иначе, как по частной жалобе заинтересованных в том лиц».

Второй вывод автора рассматриваемой нами статьи касается преюдиции гражданского производства об алиментах для возможности возбуждения преследования по ст. 165-а УК. Тезис т. Рабиновича гласит, что «для применения 165-а ст. УК необходимо предварительное решение гражданского суда, вступившее в законную силу, и приведение этого решения в исполнение». Отбросим конечную фразу этого положения, являющуюся, по видимому, недоразумением, так как приведение решения в исполнение и взыскание алиментов принудительным порядком через органы, исполняющие решения, не могут служить основанием для привлечения ответчика к ответственности по ст. 165-а УК. Тов. Рабинович, очевидно, имеет в виду обращение решения к исполнению, не давшее реального удовлетворения вследствие злонамеренных действий должника, уклонившегося от платежа алиментов, несмотря на наличие судебного решения.

Обратимся к юридическому анализу понятия преюдиции в уголовном процессе.

Движение уголовного производства зависит от предварительного рассмотрения судом спора о праве гражданском тогда, когда для установления истины в уголовном процессе и правильного решения вопросов, перечисленных в ст. 320 УПК и разрешаемых судом при постановке приговора, имеются налицо спорные пункты, устранить которые может лишь вступившее в законную силу решение гражданского суда, в силу положения «*res iudicata pro veritate habetur*» — судебное решение принимается за истину. Поэтому понятно требование предварительного решения спора о праве собственности на объект деяния, вменяемого подсудимому, по ст. 185 или 180 УК, в случае, если подсудимый заявляет на суде о принадлежности ему права на имущество, в краже или в присвоении которого его обвиняют. Точно также понятно наличие преюдициальной связи между уголовным производством и решением гражданского суда по договорным отношениям государственного или государственного предприятия с частным контрагентом, когда последний, будучи привлечен к ответственности по ст. 130 УК, возбуждает спор по существу договорных отношений и удостоверяет нарушение договора не им, а госпредприятием.

Здесь решение гражданского суда необходимо, как неизбежный составной элемент при удостоверении уголовным судом состава преступления.

Всегда ли существует такая связь между решением по иску об алиментах и уголовным производством по ст. 165-а УК?

Рассмотрим типичные случаи споров об алиментах. Они сводятся к двум основным группам: 1) дела, в которых ответчики не оспаривают отцовства (материнства), и 2) дела, в которых

главным спорным моментом является установление отцовства.

В первой категории дел достоверный факт отцовства (материнства) ответчика не требует от суда никакого установления правоотношений по самому существу спора: право несовершеннолетнего на содержание от родителей установлено законом. Обязанность родителей содержать своих несовершеннолетних детей бесспорна: она вытекает из категорического предписания статей 161 и 162 Код. об актах гр. состояния. Судебное решение в этих случаях сводится к детализации правоотношений применительно к конкретным обстоятельствам: к установлению размера содержания, причитающегося ребенку с ответчика, и сроков платежей алиментов.

Вторая категория дел об алиментах представляет собою случаи, когда ответчик оспаривает отцовство. Здесь задача суда сложнее: в таких спорах суд должен, прежде всего, установить лиц, связанных правоотношением, являющимся предметом судебного разбирательства; в них основной задачей суда является удостоверение при помощи судебных доказательств правообязанного лица надлежащего ответчика в споре об алиментах. Затем судебное решение возлагает на установленного ответчика расходы по содержанию, определяя их размер и сроки платежей. Частным случаем данной категории дел является спор, в котором суд по обстоятельствам дела привлекает несколько лиц в качестве ответчиков и возлагает на них обязанности по содержанию ребенка солидарно по основаниям ст. 144 Код. об актах гр. состояния.

Спрашивается, являются ли указанные выше решения гражданского суда действительно преюдициальными для уголовного суда по делу, в котором обвиняемому предъявлена ст. 165-а УК?

Следует признать, что вторая категория дел, в которых спорным является вопрос об отцовстве, действительно дает основания для признания наличия преюдициальной связи между вступившим в силу решением гражданского суда и уголовным производством: нельзя судить человека за злостный неплатеж алиментов, когда не установлено, что он обязан их платить, что он родитель.

Установление же отцовства при наличии спора входит в компетенцию гражданского суда и не может являться предметом исследования суда уголовного по существу работы последнего.

Но и здесь для признания наличия преюдиции необходимо, чтобы возражение ответчика об отцовстве давало серьезные основания для признания спора о праве, подлежащего решению гражданского суда, и не всякое заявление подсудимого о том, что он не отец ребенка, может повлечь за собою приостановление уголовного производства до решения гражданского суда.

Что же касается первой категории дел об алиментах, когда спора об отцовстве не имеется, то решения по этим делам нельзя признать ни в какой мере преюдициальными для уголовного суда. Они могут облегчать задачу уголовного суда в смысле удостоверения виновности подсудимого, который, несмотря на наличие судебного решения о принудительном взыскании алиментов, все же злостно

уклонился от их платежа, они могут быть одним из судебных доказательств виновности подсудимого в деянии, предусмотренном статьей 165-а УК, но преюдициальными для уголовного суда эти решения признаны быть не могут.

Правообязанное лицо—родитель, обязанный содержать ребенка, здесь имеется налицо. Спора об отцовстве не возбуждается. При наличии злого уклонения от исполнения этой обязанности имеются основания для возбуждения уголовного дела по ст. 165-а УК независимо от решения гражданского суда о размере содержания и сроках платежей.

Удостоверение злостности неплательщика алиментов входит в задачи уголовного суда. Ст. 165-а УК непосредственно не упоминает о наказуемости «злостного» неплательщика алиментов. Однако, в силу общих положений Уг. Кодекса неплательщик алиментов может караться в уголовном порядке лишь при наличии обстоятельств, удостоверяющих общественную опасность лица, действующего умышленно или неосторожно, небрежно (ст. 11 УК). Установить такой характер вредных для общества действий (бездействий) подсудимого обязан уголовный суд при помощи надлежащих судебных доказательств. Одним из таких доказательств может быть производство судебного исполнителя по исполнительному листу гражданского суда, если такое производство устанавливает сокрытие должником имущества, доходов или иные недобросовестные действия с целью воспрепятствовать исполнению судебного решения. Наличие же одного судебного решения не всегда свидетельствует о злом уклонении ответчика от платежей алиментов. Возможны случаи вынесения решения в отсутствие ответчика, когда последний может и не знать о постановленном решении гражданского суда, особенно при наличии примечания к ст. 25 и ст. 74 ГПК.

Поэтому казалось бы, что говорить столь категорически о преюдиции гражданского производства об алиментах для надлежащего движения уголовного дела по ст. 165-а УК, как это следует из тезисов т. Рабиновича, неправильно. Преюдициальная связь между тем и другим делом существует не всегда. Дело уголовного суда, к которому поступило производство на рассмотрение, констатировать в подлежащих случаях ее наличие и дать производству соответствующее направление.

Пролетарский суд есть суд жизни, регулятор быта. Задачей его является не только защита общества от социально-опасных действий того или иного лица. В бытовых делах, в которых относятся и дела по ст. 165-а УК, стоит перед судом большая воспитательная задача. Задачу эту парасуд с успехом разрешит нередко и при оправдательном приговоре по ст. 165-а УК при надлежащей постановке процесса и при последующем решении дела в гражданском порядке, когда такое решение отнюдь не будет преюдицией для уголовного производства. Возможно, что дело закончится и без особого решения гражданского суда, путем занесения в особый протокол мирового соглашения родителей о содержании ребенка. Не следует забывать, что в крестьянском быту широко распространены фиктивные разделы двора с целью затем прикрыться родителю статьей 271 ГПК и не платить содержания ребенку

даже при наличии решения гражданского суда. Требовать в таком случае, при возбуждении матерью ребенка дела по ст. 165-а УК, обязательного предварительного решения гражданского суда являлось бы в подлежащих случаях простой волокитой и отказом от воспитательной работы суда. В то время, как умелая постановка такого процесса по ст. 165-а УК в деревне может оказаться серьезным средством правового воспитания масс, обвинительный приговор, суровые репрессии здесь необязательны. Это вопрос умелой карательной политики. Невежества и некультурности масс репрессиями не уничтожить. Создавать же вместо одного процесса два процесса, гражданский и уголовный, во многих случаях нет решительно никаких оснований.

Подход т. Рабиновича к делам по ст. 165-а УК и к преюдиции решения гражданского суда представляется слишком формальным и по существу неправильным.

Последним спорным вопросом в тезисах т. Рабиновича является вопрос об уголовной давности для преступления, предусмотренного ст. 165-а УК. По мнению т. Рабиновича, «давность уголовная для преступления, предусмотренного 165-а ст. УК, должна исчисляться с момента составления подлежащим судебным органом акта или протокола о злонамеренном уклонении обязанного лица от платежа алиментов».

Нам представляется такое положение совершенно неверным и в корне извращающим смысл уголовной давности в понимании ст. 21 УК.

Прежде всего, совершенно неясно, о каком «судебном акте или протоколе» говорит т. Рабинович, как о начальном моменте для исчисления срока трехлетней давности, погашающей наказуемость деяния по ст. 165-а УК. А ведь в этом моменте вся суть вопроса. Предположим, что этим актом является запись в журнале судисполнителя о злонамеренном уклонении должника от исполнения судебного решения. Получается, что если прошло с этого момента три года и отец ребенка все эти три года не платит содержания, злонамеренно и впредь уклоняясь от исполнения решения, то его деяние, предусмотренное ст. 165-а УК, ненаказуемо: истекла давность. И сколько бы лет впоследствии отец ребенка ни уклонялся от обязанностей по алиментам, если только не будет составлено нового «акта или протокола» о злонамеренном его уклонении от платежей алиментов, он не подлежит наказанию в уголовном порядке. Положение явно несообразное.

Неплатеж алиментов, как деяние, предусмотренное ст. 165-а УК, по своей природе является преступлением своеобразным, отличным от других преступлений, предусмотренных особенной частью УК. Доставлять содержание детям родители обязаны постоянно, впредь до совершеннолетия ребенка. Злостное уклонение от этой обязанности является длительным, постоянно возобновляемым действием (вернее бездействием). Ребенок хочет есть и должен есть каждый день, одевать ребенка нужно каждый день, физический уход за ребенком нужен каждый день, и если необходимые для этого средства родителем злостно не уплачиваются, его поведение складывается в длинную цепь моментов социально-опасных, предусмотренных ст. 165-а УК. Каждый день, каждая неделя, каждый месяц преступного поведения ро-

дителя, предусмотренного ст. 165-а УК, усугубляет его вину, дает больше оснований для наказуемости его деяния, а не наоборот, течение времени с момента случайного составления «акта или протокола» о вольноуверенном уклонении его от платежа алиментов дает основание предполагать отсутствие социальной опасности поведения данного лица для общепития. Не следует забывать требования пункта 2 ст. 21 Уг. Код., которое является категорическим условием для применения ст. 21.

Поэтому казалось бы правильным течение срока давности по делам, предусмотренным ст. 165-а УК,

исчислять с момента начала исправного исполнения родителем его обязанностей по содержанию ребенка, если этому предшествовало злостное уклонение от платежей, наказуемое по ст. 165-а, хотя в этих случаях весьма сомнительно возбуждение уголовного дела вообще.

В случаях же, когда неплатеж алиментов продолжается все время, предусмотренная ст. 21 УК давность может исчисляться лишь с момента достижения ребенком совершеннолетия.

Е. Домбровский.

Применение 32 ст. УПК военными трибуналами.

Много писалось на страницах «Ежен. Сов. Юст.» о 30 ст. УПК и в связи с этим о 32 ст. УПК.

По вот при толковании указанных статей открылось новое обстоятельство: переход военных трибуналов с кодексов РСФСР на кодексы той республики, на территории которой совершается преступление. Циркуляр военной коллегии Верховного суда СССР № 8 от 30 сентября 1924 г. категорически предлагает всем военным трибуналам применять во всех без исключения случаях законы соответствующих республик.

Статья 32 УПК РСФСР гласит: «Вопрос о передаче дела из одного военного трибунала в другой военный трибунал разрешается определением военной коллегии Верховного Суда».

Та же самая 32 ст. УПК- ССР Армении гласит: «Вопрос о передаче дела из одного военного трибунала в другой военный трибунал разрешает Верховный Суд».

Военный трибунал, находящийся на территории ССР Армении, в практике своей работы встретил я со случаями необходимости передачи дел в другие военные трибуналы, расположенные в соседних республиках, по тем мотивам, что этой передачей могло быть достигнуто более беспристрастное и бо-

лее скорое и притом более полное рассмотрение дела (30 ст. УПК).

По точному смыслу циркуляра № 8 военный трибунал, расположенный на территории ССР Армении, должен ходатайствовать перед Верховным Судом ССР Армении о передаче по вышеуказанным мотивам дела в военные трибуналы, расположенные на территории УССР или РСФСР. Практика нам диктует другое: военные трибуналы, расположенные на территории союзных республик, запрашивают разрешения о передаче дела у военной коллегии Верховного Суда СССР, от которой и получают утвердительные ответы.

Из этого видно, что подобного рода вопросы разрешаются и должны разрешаться в отношении военных трибуналов, на какой бы территории союзных республик они ни находились, военной коллегией Верховного Суда СССР, а потому, я полагаю, что эту практику необходимо узаконить.

В ст. 32 УПК союзных республик необходимо внести этот пункт, хотя бы в виде примечания, относительно порядка передачи дел по мотивам, предусмотренным 30 ст. УПК, из одного военного трибунала в другой военный трибунал, расположенный на территории союзных республик.

Захарянц.

Самоуправство и борьба с ним (в условиях Чеченской области).

«Самоуправство, т.е. самовольное осуществление кем-либо своего действительного или предполагаемого права, совершенное с нарушением такого же права другого лица, карается принудительными работами на срок до шести месяцев или штрафом до пятисот рублей»,—так гласит ст. 103 УК. Теоретически не вызывает сомнений основная предпосылка о том, что для применения этой (а не какой-либо иной) статьи действующего закона достаточно наличия факта самовольного осуществления кем-либо своего действительного или предполагаемого права, совершен-

ного с нарушением такого же права другого лица. Равным образом, справедливо и то, что в повседневной работе по внедрению в сознание трудящихся элементарных начал революционной законности, в особенности в условиях быта отсталой культурно деревни, ст. 103 УК имеет, пожалуй, исключительное по своим положительным практическим результатам значение, четко и быстро восстанавливая в отдельных случаях нарушенное право.

Отсюда ясно, что ст. 103 УК имеет не только академическое значение, занимая лишь место в общей системе нашего уголовного закона, а наобо-

рот, имеет огромный практический смысл, особенно теперь, в общем деле советского строительства, ориентированного на революционную законность.

Как видно из буквального текста ст. 103 УК, эта норма закона, главным образом, предназначена действовать на невоспитанной еще плутом революционной законности почве, на которой скрепляются и примитивно разрешаются взаимоотношения хозяйственно-экономического характера среди малосознательных трудящихся города и деревни. Что в проявлении самоуправства путем непосредственного осуществления одними своими действительных или мнимых прав, соединенного с нарушением прав других, деревня идет далеко впереди, не приходится доказывать.

Такой упрощенный способ «регулирования» взаимных отношений практикуется и в Чеченской области и, главным образом, в связи с земельными отношениями. Последствия применения этого обычая нередко бывают весьма печальные для тяжущихся сторон, которые, кроме нелепого кровопускания друг другу, ничего не вышвырывают.

На протяжении каких-нибудь двух месяцев (мая-июня 1925 г.) на почве разрешения земельных споров населением своим исконным методом произошли в некоторых случаях довольно крупные столкновения, сопровождавшиеся кровопролитием (как, например, в Веденском районе, в Гудермесском и др.). После этих столкновений имели место еще новые, о которых приводим выписку из «Грозненского Рабочего» от 25 июня 1925 г. № 184.

«Вооруженные столкновения. Жители аула Нокай-Юрт в земельном споре перешли к драке. В результате убито 6 человек.

Между селениями Гудермес и Элихан-Юрт на той же почве произошло кровавое столкновение, в результате которого убито 2 человека. Обе стороны захватили пленных. Зачинщики арестованы.

По сведениям с места, пленные, захваченные аулом Гудермес и Элихан-Юрт, толпой растерзаны».

Обычно, таким печальным случаям предшествуют лихорадочные искания закономерного способа разрешения спора между заинтересованными обществами, группами или лицами: начинается хождение уполномоченных сторон в центр Чеченской области, ищутся притоворы от имени сходов, ваявления; совещаются в разных учреждениях; обсуждаются различные способы; назначаются комиссии; земуправление с докладом входит в президиум, а последний выносит постановление, каковое, казальсь бы, остается провести в жизнь... и спор ликвидирован к обоюдному удовлетворению. Но не тут-то было; постановление Чеченского исполкома—увы!—оказывается бессильным разрешить вопрос... и процедура искания продолжается, безнадежно и нелепо вращаясь в каком-то затолдованном круте формальных противоречий, вызывающих разногласия и взаимное непонимание лиц и учреждений вокруг возникшего вопроса. А тем временем разгоряченные участники земельного спора, отчаявшись в возможности разрешения остро стоявшего вопроса «в установленном законом порядке» и ничего не поняв в юридическом «крючкотворстве» (так они называют излишний формализм), каждый раз при-

ступают к ликвидации причины взаимной вражды путем личной расправы друг с другом, и в результате каждый раз кровопролитие.

Такова голая действительность в своеобразной обстановке чеченского быта. Из наблюдений над этой действительностью видно, что события эти в виде общего правила заканчиваются нелепо-печальным кровавым финалом, повторяются и учащаются потому, что должным образом не проводится борьба против самоуправства.

Для предупреждения хотя бы в некоторой мере более серьезных преступлений необходимо широчайшее использование и применение ст. 103 У. К.

Правда, ст. 103 помещена во 2-м отделе гл. первой Уг. Кодекса, т. е. в системе норм, имеющих своей непосредственной задачей борьбу с преступлениями против порядка управления. Зато самое содержание правонарушений, преследуемых этой статьей, а равно характер и степень наказания, налагаемого ею, независимо от места, занимаемого ею в системе действующего уголовного закона, с достаточной определенностью поворот за то, что в данном случае мы имеем дело с бытовыми явлениями, легко и болезненно устранимыми в конкретных случаях, а потому не представляющими более или менее серьезной и непосредственной угрозы устоям рабоче-крестьянского государственного правопорядка. И это верно как по отношению к субъекту правонарушения по ст. 103 (ибо субъектом почти исключительно является малосознательный рабочий и крестьянин), так и по отношению к природе правонарушения, являющегося почти всегда результатом добросовестного заблуждения со стороны субъекта.

Как видно из сопоставления ст. ст. 25 и 26 УПК, дела по ст. 103 УК «подлежат рассмотрению судом в составе народного судьи и двух народных заседателей» (ст. 25 УПК).

Думается, что такой порядок рассмотрения дел по ст. 103, по крайней мере в условиях чеченской обстановки, осуществленным образом будет тормозить дело борьбы с самоуправством, так как неизбежная при этом медлительность способна парализовать быстрое наступление законных последствий за правонарушения.

Оружие борьбы против бытового явления—самоуправства—должно быть остро отточенным, ст. же 103 УК, с точки зрения формального (уголовно-процессуального) порядка ее применения в обстановке чеченского быта, не представляет собою подобного оружия, а потому настоятельно необходимо приспособить ее для быстрого реагирования на проявления самоуправства. Нужно раз и навсегда положить конец отсутствию элементарного правосознания, натворившему много бед трудящимся и задерживавшему дело нормального насаждения революционной законности в пределах Чечни.

А для этого, по-моему, нужно дополнить наши кодексы в том смысле, что в Чеченской области ст. 103 У. К. подчиняется порядку о судебных приказах, определенному в ст. ст. 366—371 УПК.

Трамов.

Ст. 266 ГПК и права рабочих по заработной плате.

Вопрос о порядке и очередности удовлетворения кредиторских претензий при недостаточности имущества должника для полного их удовлетворения определенно разрешается в действующем законе постановлениями ст. ст. 266 ГПК, 101 ГК и 93 Код. вак. о труде.

В первую очередь подлежит удовлетворению задолженность должника по заработной плате рабочим и служащим, по социальному страхованию и по алиментам; во вторую—покрываются недоимки по налогам и сборам; в третью—претензии госорганов, вытекающие из договоров подряда и поставки; в четвертую—претензии залогодержатели (из заложенного имущества); в пятую—претензии госучреждений и предприятий и кооперативных организаций, не относящиеся к одной из предыдущих очередей, и в шестую—претензии остальных кредиторов.

Казалось бы, вопрос достаточно ясен. Но вот в статье т. Иппа «Права рабочих по заработной плате» («Еж. С. Ю.», № 22—1925 г.) мы встречаемся с попыткой внести существенную поправку в изложенный выше порядок, притом не путем признания необходимости соответствующего изменения закона, а путем толкования его.

Тов. Иппа полагает, что с точки зрения действующего закона претензия частного лица, подлежащая, по общему правилу, удовлетворению в последнюю очередь, способна в известных случаях превратиться в привилегированную претензию по зарплате и в качестве таковой должна быть удовлетворена в первую очередь. Такого рода перерождение претензии наступает, по мнению т. Иппа, в тех случаях, когда рабочие обращают взыскание причитающейся им от некоего частного нанимателя задолженности по зарплате на суммы, следуемые в свою очередь их нанимателю от третьего лица, имущество которого распределяется в порядке ст. 266 ГПК. В этих случаях, по мнению т. Иппа, рабочие, заступая место первоначального кредитора (их нанимателя), становятся по отношению к третьему лицу в положение непосредственного кредитора со всеми вытекающими последствиями, в частности с правом первоочередного удовлетворения их претензии и с лишением третьего лица (имущество которого распределяется) права предъявлять к зачету могущие иметься у него встречные претензии к его первоначальному кредитору. К такого рода выводу т. Иппа приходит путем необычайно сложных и искусственных построений, не выдерживающих, на наш взгляд, критики ни с точки зрения действующего закона и логики, ни с точки зрения требований и интересов нормального хозяйственного оборота.

Прежде всего неверно, на наш взгляд, отправное положение т. Иппа, из которого исходит он во всем дальнейшем изложении, а именно то, что рабочим и служащим принадлежит законное залоговое право на все имущество их нанимателя. Неверно потому, что: 1) сам закон в ст. 101 Гражд. Код. противопоставляет претензии

по зарплате (равно как и другие привилегированные претензии) претензиям залогодержателей, признавая за первыми право преимущественного удовлетворения перед претензиями залогодержателя; 2) из того, что смысл и значение залога сводится к обеспечению преимущественного удовлетворения претензии залогодержателя перед другими претензиями, отнюдь не следует, что залог является единственной формой такого обеспечения, единственным источником преимущественных прав кредитора на удовлетворение его претензии. Иначе говоря: залог есть обеспечение, но не всякое обеспечение есть залог. Здесь в рассуждениях тов. Иппа элементарная логическая ошибка: по одному лишь признаку сходства нельзя заключать о тождестве предметов или понятий; 3) по своему содержанию права кредиторов-рабочих по заработной плате отнюдь не совпадают с правами залогодержателя. В то время, как существенным моментом залога является отсутствие у должника права распоряжения заложенным имуществом без согласия залогодержателя, этот момент отсутствует в отношениях между рабочими и нанимателями, ибо последний распоряжается и вправе распоряжаться своим имуществом без согласия рабочих, доколе на имущество его не наложен арест установленным в законе порядке. Будучи в известном отношении лучше обеспеченной, нежели залоговая претензия (в смысле преимущественного перед ней удовлетворения), претензия по зарплате не может быть, однако, отождествляема с залоговой претензией, реально обеспеченной лишением должника права распоряжения заложенным имуществом; 4) как правильно указывает т. Иппа, залоговое право возникает либо в силу договора, либо в силу специального указания закона. Но, добавим мы, источником залогового права никак не может служить предположение о существовании незаконного залога, основанное на одном лишь чисто внешнем признаке сходства между залоговым и каким-либо иным правом.

Поскольку, таким образом, неверно самое предположение о наличии у рабочих залоговых прав на все имущество нанимателя, постольку отпадают и все дальнейшие соображения т. Иппа, основанные на этом предположении. Но и помимо того, выводы, к которым приходит тов. Иппа, сами по себе неверны и не вытекают из его же предпосылок. Допустим на минуту, что за рабочими в том случае, который приводит тов. Иппа, действительно должно быть признано залоговое право на кредиторскую претензию их нанимателя, которую последний имеет к третьему лицу. Что же из этого следует? Ведь самая-то претензия остается претензией нанимателя, а рабочим принадлежит лишь залоговое право на эту претензию, т. е. право преимущественного перед другими кредиторами их должника нанимателя (но никак не перед кредиторами третьего лица) удовлетворения своей претензии к нанимателю из сумм, причитающихся последнему по кредиторской претензии к третьему лицу. Каким же образом из этого может быть сделан тот вывод,

к которому приходит т. Иппа, т.-е., что другие кредиторы третьего лица «права на деньги по означенной претензии не имеют и уже не могут участвовать в распределении этой долговой суммы, которая всецело должна быть предоставлена рабочим первоначального кредитора»? Ведь совершенно же ясно, что природа претензии не меняется в зависимости от того, заложена ли эта претензия, и если заложена, то кому именно. Между тем, с точки зрения т. Иппа пришлось бы признать, что кредиторская претензия госоргана, будучи заложена частному лицу или смешанному акционерному обществу, превращается в претензию частного лица и при распределении имущества должника в порядке ст. 266 ГПК должна попасть в 6-ю очередь. И обратно: достаточно частному лицу заложить свою претензию у госоргана, чтобы претензия эта превратилась в привилегированную в смысле ст. 266 ГПК. И в том и в другом случае абсолютная неприемлемость такого рода положения очевидна сама собою.

Тов. Иппа в своих выводах явно, на наш взгляд, смешал два совершенно различных момента: право рабочих на осуществление кредиторской претензии их нанимателя к третьему лицу и принадлежность самой претензии нанимателю. Залог имущества не изменяет его природы: имущество частное, будучи заложено госоргану, не становится государственным, и наоборот. То же самое и с залогом долгового требования.

Таким образом, для нас представляется совершенно несомненным, что если бы даже признать за рабочими залоговое право на кредиторскую претензию их нанимателя к третьему лицу, (что представляется и неправильным и лишенным всякого практического значения, ибо права рабочих и без того выше прав залогодержателя), то и в этом случае право залога простирается, очевидно, лишь на заложное имущество их должника, но никак не на имущество третьих лиц, хотя бы являющихся в свою очередь должниками этого последнего. Поскольку объектом залога при залогом долгового требования является не имущество третьих лиц, а лишь право требования, принадлежащее первоначальному кредитору, постольку при распределении имущества третьих лиц в порядке ст. 266 ГПК залоговые права, принадлежащие кому бы то ни было на ту или иную кредиторскую претензию, ни в какой мере не могут влиять на порядок удовлетворения заявленных претензий, зависящий исключительно от принадлежности самой претензии к одной из категорий, указанных в ст. 266. И поскольку та или иная кредиторская претензия, являющаяся объектом залога, оказывается неподлежащей удовлетворению в порядке ст. 266 (как отнесенная, скажем, в 6-ю очередь и за недостаточностью имущества должника для удовлетворения претензий этой очереди), т.-е. поскольку самый объект залога оказывается нереализуем, постольку и залогодержатели лишены возможности осуществить свои залоговые права по такой кредиторской претензии, ибо больших прав на объект залога, чем собственник такового, залогодержатели не имеют.

Помимо сказанного выше, точка зрения т. Иппа является, на наш взгляд, неприемлемой и в другом отношении. Воспользуемся для наглядности примером, приводимым в статье т. Иппа. Арендатор за-

вода задолжал рабочим зарплату, наличного имущества у должника не оказалось, но ему причитается из ликвидационной комиссии госпредприятия определенная сумма, на которую рабочими и обращено взыскание. В числе других претензий, заявленных в ликвидационную комиссию, имеются залоговые претензии Госбанка, а равно претензии других госорганов, по удовлетворению которых на долю претензий 6-й очереди ничего не пришлось бы. С точки зрения т. Иппа, кредиторская претензия арендатора завода (сама по себе подлежащая отнесению к 6-й очереди), на которую обращено взыскание рабочими арендатора, подлежит удовлетворению в 1-ю очередь. В результате претензии Госбанка и других госорганов остаются неудовлетворенными за отсутствием другого имущества у ликвидационной комиссии. Допустим далее (возможность вполне реальная), что через некоторое время у арендатора завода снова появляется имущество. Что оказывается в этом случае? Оказывается, что претензия рабочих удовлетворена не за счет их непосредственного должника-нанимателя, которому по распределению ничего не причиталось от ликвидационной комиссии, а за счет Госбанка и других госорганов-кредиторов ликвидированного госпредприятия, не имевших никакого отношения ни к арендатору завода, ни к его рабочим. Выпирал же, благодаря такому обороту дела, частный арендатор завода, ибо при нормальном (и единственно правильном) применении ст. 266 ГПК он ничего не получил бы от ликвидационной комиссии госпредприятия, и обязанность погашения задолженности рабочим продолжала бы тяготеть на нем и при наличии у него имущества была бы реализована. При том же положении вещей, к которому приводит точка зрения т. Иппа, ни рабочие (которые уже получили удовлетворение), ни Госбанк и другие госорганы, за счет которых фактически арендатор расплатился со своими рабочими, не могут предъявлять к арендатору никаких требований. Уже самая возможность такого оборота дела показывает, что предлагаемое т. Иппа толкование в основе своей неправильно и извращает существо взаимоотношений между рабочими, их нанимателем и третьими лицами.

Тов. Иппа не останавливается и перед последним, логически неизбежным выводом из своих положений, допуская возможность соразмерного удовлетворения из имущества несостоятельного должника претензий по зарплате рабочих этого должника наравне с рабочими всех контрагентов того же должника. Такого рода вывод, помимо очевидной его неприемлемости, находится в явном противоречии со статьей 93 Кодекса законов о труде, согласно которой в первую очередь удовлетворяются при несостоятельности нанимателя все выплаты рабочим и служащим, вытекающие из коллективных и трудовых договоров, разумеется, заключенных данным нанимателем, но отнюдь не его контрагентами.

Подводя итоги сказанному, мы полагаем, что предложение т. Иппа, сводя фактически на-нет порядок, установленный ст. 266 ГПК, внося полную неопределенность и случайность в этот порядок, делает к тому же невозможным какой-либо учет платежеспособности контрагента в деловом обороте, ибо, становясь на точку зрения т. Иппа, пришлось бы учитывать не только финансовое состояние и характер задолженности непосредствен-

ного своего контрагента, но также и всех контрагентов этого последнего, что фактически совершенно, конечно, немыслимо. Возьмем к примеру постановление пленума Верховуда от 2 февраля с. г. Этим постановлением Верховуд признал, что претензии рабочих по зарплате подлежат преимущественному удовлетворению перед залоговыми претензиями Госбанка (даже при наличии ст. 36 устава Госбанка), указав при этом, что от Госбанка зависит справиться о суммах задолженности клиента по зарплате ко дню валога, а также включить в условия валога дополнительное условие о досрочном вы-

скании оруды, в случае увеличения задолженности по зарплате. Указание вполне правильное и осуществимое. Открывая кредит, Банк может и должен учитывать финансовое положение своего контрагента и реальную возможность обратного получения выданных ему сумм. Если стать на точку зрения т. Иппа, то пришлось бы признать, что Госбанк, не ограничиваясь принятием указанных выше мер, должен обследовать также финансовое положение всех контрагентов своего клиента. Вряд ли, однако, можно говорить об этом серьезно.

П—ров.

Крестьянские торфяные болота.

В официальном органе Наркомзема «С.-Х. Жизнь» 1925 г. № 15 опубликованы утвержденные Наркомземом 16 марта 1925 г. правила разработки местным населением торфяных болот на землях его трудового пользования для удовлетворения собственных нужд в топливе, подстилке и удобрении. Правила эти регулируют очень важную сторону крестьянского хозяйства. К сожалению, их исходная точка зрения настолько неправоверна и так противоречит и советскому закону и общему направлению нашей земельной политики, что необходимо поднять вопрос об их отмене.

Правила 16 марта 1925 г. распространили на торфяные болота на землях трудового пользования общие правила эксплуатации государственного торфяного фонда, установленные декретом СНК РСФСР от 17 мая 1922 г. о торфяных болотах («С. У.» 1922 г. № 34, ст. 407) и постановлением ЭКОСО РСФСР от 25 сентября 1924 г. о порядке и основаниях отвода и сдачи в аренду торфяных болот для их разработки на топливо, подстилку и удобрение («С. У.» 1924 г. № 81, ст. 817). Правила НКЗ 16 марта 1925 г. рассматривают торфяные болота на землях трудового пользования, как составную часть государственного торфяного фонда, выходящую из состава земель, закрепленных за крестьянством ст. 141 Зем. Кодекса. Поэтому правила эти требуют предварительно разработки местным населением торфяных болот для собственных нужд, выделения этих болот из состава земель трудового пользования в порядке землеустройства и за счет населения в специальный торфяной фонд и предоставления их затем для разработки населению под условием заключения арендного договора со взиманием арендной платы, из расчета от 10 до 30 коп. за куб. саж. сырой торфяной массы. Мало того, согласно § 18 правил 16 марта 1925 г., площади выработанных торфяных залежей и выделенные в специальный торфяной фонд суходолы поступают в состав госземимущества для распределения между трудовым населением на общих основаниях.

Таким образом, всякое торфяное болото на землях трудового пользования, которое Зем. Кодекс закрепил за крестьянством на праве бессрочного и безвозмездного пользования, может быть изъято, согласно правил НКЗ от 16 марта 1925 г., на этого пользования у местного населения, передано

в исключительное распоряжение Наркомзема в качестве государственного торфяного фонда и тем самым исключено из состава трудовых земель. Эти постановления правил 16 марта 1925 года нельзя не признать противоречащими действующему законодательству и всей нашей земельной политике.

1. Согласно положения о недрах земли и их разработке от 7 июля 1923 г. («С. У.» 1923 г. № 82, ст. 799), торф отнесен к тем общераспространенным ископаемым (строительные камни, глины всех сортов, песок), которые пользователь поверхности вправе разрабатывать в пределах предоставленного ему участка для собственной надобности, а равно для удовлетворения потребностей сельского хозяйства и кустарной промышленности, без всякого разрешения органов Главного Управления горной промышленности или договора с ними (п. «г» ст. 20 и прим. 2 к ст. 25 положения). Эти ископаемые, по мысли положения о недрах, предоставляются в безвозмездную разработку землепользователя, входя в содержание его права на пользование землей, поскольку эта разработка не преследует промышленных целей, не выходит за пределы удовлетворения потребностей собственного трудового хозяйства, сельского или кустарно-промыслового. Если поэтому местное население не обязано платить государству за добычу песка, глины или строительного камня для собственных нужд на предоставленных ему землях трудового пользования, то то же правило должно быть распространено и на разработку торфа земельным обществом или торфяным товариществом на своих землях. То обстоятельство, что торфяные болота находятся в ведении Наркомзема, а не ВСНХ по Горному Управлению, конечно, не может поколебать силы этого правила, установленного положением о недрах, имеющим силу общесоюзного закона (декрет ЦИК'а Союза ССР от 13 июля 1923 года—«С. У.» 1923 г. № 82, ст. 799).

2. Точно также является противозаконным установленное правилами 16 марта 1925 г. изъятие торфяных болот на землях трудового пользования из состава последних и передача их в государственный торфяной фонд. Согласно ст. 11 Зем. Кодекса, право на землю, предоставленную в трудовое пользование, бессрочно и может быть прекращено только по основаниям, указанным в законе. Но в нашем законодательстве нигде не указано, чтобы трудовые крестьянские земли изымались из постоянного поль-

зования землепользователей и перечислялись в государственный фонд только потому, что последние начали на них разработку торфа, необходимого для сельского хозяйства в качестве топлива, подстилки или удобрения. Наоборот, положение о недрах и изданные НКЗ и ВСНХ правила о порядке производства отводов участков поверхности для нужд горной промышленности *) устанавливают правило, что при горном отводе пользователь поверхности сохраняет все свои права на землю и может заключить с горно-промышленником договор о предоставлении ему на все время горной разработки или на сроки по усмотрению сторон своего земельного участка за определенное вознаграждение. По миновании же указанных в условии об уступке земли сроков или по окончании горной разработки земля возвращается к трудовому пользователю. Таким образом, закон не колеблет прав трудового землепользователя даже при необходимости горных разработок для добычи ценных ископаемых. Тем непонятнее, почему правила 16 марта 1925 г. сочли необходимым постановить о прекращении права трудового пользования землями, лишь только местное население приступает к их разработке под торф для нужд собственного трудового хозяйства.

3. Правила 16 марта 1925 г. не находят себе оправдания и в специальном законодательстве о торфяных болотах. Согласно ст. 2 декрета СНК о торфяных болотах от 17 мая 1922 г., в особый торфяной фонд, сдаваемый Наркомземом в аренду для промышленной эксплуатации, не входят торфяные болота, «эксплуатируемые Наркомземом в целях сельскохозяйственных, опытно-показательных или для удовлетворения собственных топливных нужд и непосредственных топливных нужд населения». По мысли декрета, эти торфяные болота в аренду не сдаются, и плата за их разработку Наркомземом не взимается. Постановление Совета Труда и Оборона от 30 мая 1923 г. об оплате торфяной массы («С. У.» 1923 г. № 50, ст. 502) издано «в развитие декрета СНК от 17 мая 1922 г. о торфяных болотах», т. е. относится к торфяным болотам, сдаваемым в аренду для промышленной эксплуатации, но не к торфяным разработкам крестьянства на своих землях для нужд своего хозяйства. Наконец, постановление ЭКОСО РСФСР от 25 сентября 1924 г. о порядке и основаниях отвода и сдачи в аренду торфяных болот для их разработки на топливо, подстилку и удобрение («С. У.» 1924 г. № 81, ст. 817) проводит резкое различие между торфяными залежами из состава государственного торфяного фонда, разрабатываемыми в «промышленных целях», и торфяными болотами на землях трудового пользования, разрабатываемыми местным населением «для удовлетворения собственных нужд в топливе, подстилке и удобрении». На первые должны быть заключены с органами Наркомзема согласованные с ВСНХ типовые договоры, в которых устанавливается арендная плата за торфяную массу и за отводимые суходолы (ст. ст. 1, 6, 7). Правила разработки вторых не устанавливаются постановлением ЭКОСО, которое поручило Наркомзему издать для этого «особые правила», не распространяя на эти торфяные болота

общего постановления о заключении на них арендных договоров. Правда, ст. 9 постановления ЭКОСО устанавливает плату за выработку торфа в 1924 г. как промышленными предприятиями, так и местным населением, но в отношении к последнему дело идет, очевидно, о пользовании государственным торфяным фондом, ибо в той же статье устанавливается плата в 50 коп. за десятину суходолов, фактически занятых под поле осушки торфа и постройки. Так как за пользование своими трудовыми землями крестьянство арендной платы государству не платит, то, очевидно, в ст. 9 речь идет о государственных земельных имуществах.

4. Из изложенного следует, что, с точки зрения действующего закона, изданные НКЗ правила 16 марта 1925 г. противозаконны. Но и с точки зрения целесообразности и принятой государством линии земельной политики они подлежат отмене. Взимание арендной платы за торф при наличии огромного количества болот, осушение и использование которых всемерно поощряется, несомненно, замедлит развитие торфодобычи, будет совершенно непонятно для населения, и, кроме того, финансовые результаты при необходимости ежегодного обмера вынужденной массы будут совершенно незначительны. С другой стороны, нельзя не указать на то противоречие, которое получилось бы в нашей земельной политике от взимания арендной платы за разработку крестьянством торфяных болот на своих землях для собственных нужд. Республика закрепила за крестьянством около 14 миллионов десятин лесов местного значения для снабжения крестьянства топливом и всякого рода поделочной древесиной, отказавшись от какой-либо попенной платы за пользование древесиной в этих лесах. Между тем, за разработку торфа на таких же закрепленных за крестьянством землях для нужд своего хозяйства оно обязано платить государству арендную плату, а сами эти земли изымаются из его пользования и переходят в разряд государственного торфяного фонда, а по выработке торфяных залежей — в разряд госземимущества. Это явное противоречие, которое требует срочного устранения.

5. Указанная выше противозаконность и хозяйственная и политическая нецелесообразность правил 16 марта 1925 года не устраняет, конечно, необходимости контроля органов Наркомзема за разработкой торфа местным населением на своих землях в целях регулирования этой разработки в сельскохозяйственном отношении, для охраны интересов смежных владельцев и т. п. Подобно тому, как леса местного значения закрепляются за крестьянством по особому акту, обязывающему лесопользователей вести правильное лесное хозяйство, так и для разработки торфяных болот на землях трудового пользования для собственных нужд сельского и кустарного трудового хозяйства надлежит издать правила, охраняющие почву от разрушения от таких разработок. Но отсюда далеко до превращения крестьянских торфяных болот в государственный торфяной фонд с обязательством платить за каждую кубическую сажень сырой торфяной массы, добываемой крестьянским хозяйством на своей трудовой земле для удовлетворения собственных нужд в топливе, подстилке и удобрении.

*) См. Земельный Кодекс с дополнит. законодательными 1924 г. изд. «Новой деревни», прил. № 8.

Обзор советского законодательства за время с 1 по 7 октября 1925 г.

А. ПОСТАНОВЛЕНИЯ ПРАВИТЕЛЬСТВА СОЮЗА ССР.

1—2. Постановлением III С'езда Советов Союза ССР от 20 мая 1925 г. по вопросам советского строительства («Собр. Зак. СССР» 1925 г., № 35, ст. 247), признавшим выборы в советы «важнейшей школой политического воспитания трудящихся масс и основной формой привлечения рабочих и крестьян к делу советского строительства» и установившим необходимость обеспечения действительно широкого участия масс в выборах, поручено было высшему органу власти—Президиуму ЦИК Союза ССР заблаговременно разработать вопрос о выборах для закрепления уже достигнутых предыдущими начинаниями успехов в области советского строительства и для усиленного сплочения вокруг советов крестьянских и рабочих масс. Во исполнение этого поручения опубликованы постановления ЦИК СССР от 2 октября о порядке выборов в советы и на с'езды советов и о производстве ближайших перевыборов в советы и на с'езды советов («Изд. ЦИК СССР» от 7 октября, № 229). Сроки выборов назначаются ЦИК'ами союзных республик по их усмотрению, но в наиболее благоприятное для избирателей время, облегчающее им участие в выборах в связи с их хозяйственно-экономическим положением.

Конечный срок для выборов на краевые и губернские с'езды назначен на 1 декабря. Назначен 2 месячный срок для проведения избирательных кампаний. Помимо предусмотренных инструкций о перевыборах в советы от 16 января 1925 г. («Собр. Зак. СССР» № 5, ст. 55) избирательных комиссий сельских, волостных, уездных, губернских и городских учреждаются центральные избирательные комиссии при ЦИК'ах союзных республик, руководящие избирательной кампанией и рассматривающие жалобы на действия краевых и губернских комиссий.

В их состав вводятся члены ЦИК'ов и рабочие и крестьяне, непосредственно связанные с производством и сельским хозяйством, а также представители национальных меньшинств.

3. Постановлением ЦИК и СНК СССР от 2 октября о выпуске второго государственного крестьянского выигрышного займа («Изд. ЦИК СССР» от 7 октября, № 229) проведена новая кредитная операция, имеющая основной целью предоставление крестьянскому населению возможности удобного и выгодного помещения своих сбережений. Облигации займа установлены достоинством в пять, десять и пятьдесят руб.; по облигациям уплачивается 12% годовых; срок купонов установлен на 1 число каждого месяца. Общая сумма займа определена не свыше 100 милл. рубл. Кроме получения процентов держатели облигаций участвуют в периодичеки (4 раза в год) производимых тиражах выигрышей. Максимальный выигрыш—5.000 р., минимальный 25 р. Облигации выпускаются по нарицательной цене, что обеспечивается упрочением нашего финансового положения. По той же цене облигации принимаются в уплату сельскохозяйственного налога; в залог же по подрядам и поставкам и в обеспечение рассрочиваемых акцизов и таможенных пошлин они принимаются по особому устанавливаемому курсу. Как сами облигации и доход от них, так и сделки с ними освобождены от всякого налогового обложения.

4. Значительный по размерам урожай текущего года, дающий возможность рассчитывать на возвращение ссуд

предыдущих лет, послужил основанием для издания постановления СНК Союза ССР от 24 сентября об использовании сумм, поступающих в возврат ссуд, выданных населению, пострадавшему от неурожая («Изд. ЦИК СССР» от 7 октября, № 229). Подлежат возврату суммы, отпущенные комиссией по борьбе с последствиями неурожая под залог скота, на приобретение фуража и на заготовку семенного материала для озимой кампании 1924 г. и яровой 1925 г.: остальные ссуды слагаются. Часть сумм, поступающих в возврат семенной ссуды, обращается на создание особых фондов селекционных семян.

5. Заботами об укреплении сельского хозяйства и улучшении поставок опытного дела вызвано издание постановления СНК Союза ССР от 26 сентября о беспопыльном ввозе селекционных семян для опытных станций («Изд. ЦИК СССР» от 7 октября, № 229). Соответственно дополнен таможенный тариф по европейской торговле («Собр. Зак. СССР» 1924 г., № 10, ст. 99).

6. Интересы специального вида промышленного скотоводства послужили основанием для издания постановления СНК Союза ССР от 1 сентября об освобождении от обложения единым сельско-хозяйственным налогом каракулевых овец в Крымской АССР («Изд. ЦИК СССР» от 1 октября, № 224). Соответствующее дополнение внесено в положения о едином сельско-хозяйственном налоге на 1925—26 год («Собр. Зак. СССР» № 31, ст. 209).

7. Постановлением ЦИК и СНК Союза ССР от 18 сентября утверждены таблицы ставок основной ренты для городских земель и земель, предоставленных железнодорожному транспорту в пределах городской черты, и таблицы ставок основной ренты для городских поселений («Изд. ЦИК СССР» от 2 октября, № 225), призванные заменить таблицы, утвержденные постановлением ЦИК и СНК Союза ССР от 25 августа 1924 г. («Собр. Зак. СССР» 1924 г., № 6, ст. 68). Последние таблицы подвергались неоднократным изменениям; устанавливались изъятия для отдельных населенных пунктов. Все эти изъятия внесены в новые таблицы, равно как изменены, в большинстве случаев в сторону снижения, ставки ренты в некоторых других пунктах. Ставки ренты для земель, предоставленных транспорту, установлены различные в зависимости от нахождения их в пределах городской черты или вне ее. Новой таблице придано обратное действие с 1 декабря 1924 г.

8. Постановлением СТО от 9 сентября о размерах ставок основной и дополнительной ренты для земельных участков железнодорожного транспорта, занятых государственными предприятиями, находящимися в ведении центральных хозяйственных органов Союза ССР («Изд. ЦИК СССР» от 2 октября, № 225), изданным во исполнение основного постановления III сессии ЦИК СССР 1 созыва от 12 ноября 1923 г. о земельной ренте («Собр. Уз. РСФСР» 1923 г., № 114—115, ст. 1056), ставки основной ренты для указанных земельных участков оставлены на 1923—24 и 1924—25 годы те же, что и вообще для земель, предоставленных транспорту. Что касается дополнительной ренты, то ставки ее установлены специальной, приложенной к постановлению таблицей для участков, используемых под склады грузов и устройство складочных помещений. Те же ставки повышены на 100% для участков, используемых под торговые заведения и снижены на 75% для

участков, используемых под подъездные пути. Что касается участков под фабрично-заводскими зданиями, то к ним применяются общие ставки ренты для городских участков, используемых под фабрично-заводские здания, установленные одновременно изданным постановлением.

9. Пост. ЦИК и СНК СССР от 18 сентября о дополнении перечня учреждений, предприятий и организаций, к которым применяется временный льготный тариф взносов на социальное страхование («Изв. ЦИК СССР» от 2 октября, № 225) действие III группы этого тарифа (10%) распространено на зрелищные предприятия госорганов, кресткомы, деткомиссии, комкомы и организации Мопр, Авиахима и т. д. Соответственно дополнено постановление ЦИК и СНК СССР от 26 февраля 1925 г. о тарифе взносов на социальное страхование («Собр. Зак. СССР» 1925 г., № 14, ст. 10).

10. Особые условия работы лиц, занятых по дому в домашнем хозяйстве, различные способы оплаты этой работы, затрудняющие исчисление страховых взносов на основании фактически выплаченной заработной платы, привели к изданию специального постановления ЦИК и СНК Союза ССР от 25 сентября о социальном страховании лиц, занятых по найму в домашнем хозяйстве («Изв. ЦИК СССР» от 30 октября, № 226). В изъятие из действующих тарифов размер взносов за этих лиц установлен в 10% средней заработной платы, установленной для данной группы нанимателей местным отделом профсоюза народного питания. Из этого же расчета установлен и размер выдаваемых пособий по временной нетрудоспособности.

Постановление вводится в действие с 1 октября 1925 г.

11. Постановлением СНК Союза ССР от 1 сентября о праве провоза грузов и пассажиров по внутренним водным путям сообщения («Изв. ЦИК СССР» от 2 октября, № 225) право это признано исключительно за судами, плавающими под флагом Союза ССР. Изъятие из этого общего положения и предоставление права захода в морские порты, расположенные в устьевых частях рек, судам, плавающим под иностранным флагом, может быть допущено по соглашению Наркоматов Путей Сообщения и Внешней Торговли. Кроме того, предусмотрено признание правительством Союза ССР некоторых внутренних рек международными; порядок плавания по этим рекам регулируется международными соглашениями.

12. Постановлением СНК Союза ССР от 1 сентября об изменении ст. 3-й постановления СНК Союза ССР от 21 июля 1925 года о льготах населению островов Северного Ледовитого океана, подведомственных управлению по колонизации и эксплуатации промысловых хозяйств на островах Северного Ледовитого океана («Изв. ЦИК СССР» от 2 октября, № 225) право архангельского губисполкома на беспопынный и безакцизный вывоз товаров («Собр. Зак. СССР» № 48, ст. 357) распространено на товары как заграничного, так и внутреннего производства.

13. Постановлением ЦИК и СНК Союза ССР от 25 сентября о дополнении ст. 1 постановления ЦИК и СНК Союза ССР от 20 мая 1924 г. о потребительской кооперации («Изв. ЦИК СССР» от 25 сентября, № 229) устанавливает возможность снижения возрастной нормы для членства в потребительских обществах до 16 лет. Однако, члены в возрасте до 18 лет не имеют ни активного ни пассивного избирательного права в исполнительные органы потребобществ. Соответственно дополнено постановление от 20 мая 1924 г. («Собр. Узак. РСФСР», 1924 г., № 64, ст. 645).

14. Постановлением СНК Союза ССР от 26 сентября в порядке осмотра и задержания грузов, багажа и ручной клади, перевозимых по железнодорожным и водным путям сообщения («Изв. ЦИК СССР» от 6 октября, № 228) вводит определенные правила, должностные обеспечить

беспрепятственное продвижение грузов и перевозку груза и клади, не воспрещенных к перевозке. Осмотр может производиться органами ОГПУ по общему правилу лишь в пунктах отправления и прибытия до погрузки и выгрузки груза и багажа, а ручной клади—при посадке и высадке пассажиров; осмотр ее в пути возможен лишь в случае основательного предположения о возможности сокрытия незаконно провозимой клади. Повальные осмотры и потоловные обыски не допускаются. В случае задержания груза, багажа или клади составляется акт за подписями осматривающих и других присутствующих лиц; при задержании ручной клади требуется подпись также пассажира. Последнему, а также грузоладельцу и транспортному предприятию выдаются копии актов. При реализации перевозимых незаконных грузов из вырученных сумм покрываются в первую очередь платежи, причитающиеся транспорту.

Б. ПОСТАНОВЛЕНИЯ ПРАВИТЕЛЬСТВА РСФСР.

1. Постановление СНК РСФСР от 30 сентября о порядке утверждения уставов и регистрации артелей ответственного труда («Изв. ЦИК СССР» от 3 октября, № 226) издано вследствие установления постановлением СНК Союза ССР от 18 ноября 1924 г. («Собр. Зак. СССР» 1924 г., № 26, ст. 228) различия между артелями, распространяющими свою деятельность на территорию всего Союза и отдельных союзных республик. Рассматриваемое постановление регулирует порядок учреждения артелей, действующих не на территории всего Союза и правления которых пребывают на территории РСФСР. Уставы таких артелей представляются на утверждение ЭКОСО РСФСР через Наркомат Внутренней Торговли РСФСР, а по утверждении публикуются на общих основаниях в Собр. Узак. В двухнедельный по опубликовании об утверждении уставов срок артели регистрируются в Наркомате Внутренней Торговли. Постановления ЭКОСО РСФСР об утверждении устава и НКВнуторга о регистрации артели публикуются в газете «Экономическая Жизнь». Лишь после регистрации артель, согласно ст. 14 Гр. Код., приобретает права юридического лица и может открыть свои действия.

С изданием рассматриваемого постановления отпадает порядок утверждения уставов артелей, установленный постановлением СНК РСФСР от 25 ноября 1921 г. («Собр. Узак.» 1921 г., № 77, ст. 641). В трехмесячный срок все учрежденные на основании этого постановления артели должны представить свои уставы на утверждение ЭКОСО РСФСР и зарегистрироваться в Наркомвнуторге РСФСР.

2. Постановление ВЦИК и СНК РСФСР от 21 сентября об изменении ст.ст. 323 и 335 и дополнении ст.ст. 323-а, 323-б с примечанием, 323-в и 338-а с прим. Гр. Код. РСФСР («Изв. ЦИК СССР» от 4 октября, № 227) издано в связи с последовавшим ранее изданием всесоюзного акционерного закона—постановления ЦИК и СНК Союза ССР от 24 апреля 1925 г. («Собр. Зак. СССР» 1925 г., № 30, ст. 195) и вследствие содержащейся в нем директивы изменить соответствующее законодательство союзных республик. Уставы акционерных обществ, не подлежащих на основании упомянутого закона и новой ст. 323-в Гр. Код. утверждению СТО или СНК СССР, утверждаются ЭКОСО РСФСР либо СНК РСФСР (в случае содержания в уставе изъятия из законодательства РСФСР); представляются они через Наркомвнуторг РСФСР. В остальном новелла содержит повторение общесоюзного закона.

3. Постановлением ВЦИК и СНК РСФСР от 28 сентября о дополнении ст. 9 Земельного Кодекса РСФСР в отношении предоставления трудящимся иностранцам права на

трудоое землепользование («Изв. ЦИК СССР» от 4 октября, № 227) установлена значительная льгота трудящимся иностранцам, пользующимся политическими правами (активными и пассивным избирательным правом и т. п.) на основании Конституции РСФСР.

4. Постановление СНК РСФСР от 9 сентября о распределении государственного субвенционного фонда на 1925—26 бюджетный год по отраслям хозяйства и по административно-территориальным единицам («Изв. ЦИК СССР» от 2 октября, № 225) содержит распределение определенной по госбюджету на предстоящий 1925—26 бюджетный год суммы субвенционного фонда—52 милл. руб. на народное образование, народное здравоохранение, сельское хозяйство, органы юстиции (750.000 р.), низовой советский аппарат и дорожное строительство. Все автономные республики, области и губернии разделены на четыре группы в соответствии с их экономическим положением, степенью удовлетворения культурных и хозяйственных потребностей населения и мощностью местных бюджетов. Установлены предельные размеры долевого участия государства в расходах местных советов на перечисленные нужды.

5. Одной из важнейших частей местного бюджета, субвенцируемых за счет особого фонда из обще-государственных средств, является зарплата. Эта субвенция дает возможность законодательным путем регулировать последнюю. Постановлением ВЦИК и СНК РСФСР от 28 сентября об установлении на 1925—26 бюджетный год минимальных ставок заработной платы для некоторых групп работников, состоящих на местном бюджете («Изв. ЦИК СССР» от 6 октября, № 225) содержит более подробный перечень категорий работников, чем предыдущие постановления по этому вопросу (постановления СНК СССР от 13 февраля и 3 апреля 1925 г. «Собр. Зак.» № 19, ст. 86; № 23, ст. 1058). Вместе с тем и самые минимальные ставки повышены; так, для нарсудей и нарследователей минимум зарплаты определен от 46 до 66 р. (в зависимости от пояса). Постановление содержит общее правило о недопустимости снижения существующей зарплаты в тех случаях, когда она превышает установленные минимальные ставки.

6. Постановлением ВЦИК и СНК РСФСР от 21 сентября о мероприятиях по подготовке воспитанников детских домов к трудовой общепользующей деятельности («Изв. ЦИК СССР» от 2 октября, № 225) обязывает органы Наркомтруда размещать достигших работоспособного возраста воспитанников детдомов на производственную работу. При размещении их в счет брони и сверх брони подростков, а также при помещении в школы ученичества фабрично-заводского, сельско-хозяйственного, кустарного и в шко-

лы рабочих подростков они пользуются правом на первоочередной прием наравне с детьми рабочих. Минимальный возраст для приема в перечисленные школы—14 лет., а на производственную работу—16 лет. Кроме того, наробразы имеют право отдавать воспитанников детдомов в обучение кооперативам и отдельным ремесленникам и кустарям.

7. Постановление СНК РСФСР от 25 сентября о распределении специалистов, окончивших высшие учебные заведения в 1925—26 г. («Изв. ЦИК СССР» от 2 октября, № 225) намечает ряд мероприятий, благодаря которым должно осуществиться это распределение. Установлена обязанность государственных, кооперативных и общественных учреждений и предприятий принимать на штатные места окончивших вузы; учреждения—в размере 2 проц. штатного контингента, предприятия—1 проц.. Учреждения и предприятия непосредственно обращаются в соответствующие вузы за нужными ими специалистами; возможны и индивидуальные обращения оканчивающих вузы в учреждения и предприятия. Все неразмещенные в таком порядке специалисты размещаются на службу Наркомтрудом, куда представляются соответствующие сведения как биржами труда, так и учреждениями и предприятиями. Отказ в принятии на работу карается по ст. 132 Уг. Код. Инспекция труда проверяет выполнение постановления.

8. Постановлением ВЦИК и СНК РСФСР от 14 сентября («Изв. ЦИК СССР» от 2 октября, № 225) утвержден перечень постановлений ВЦИК и СНК РСФСР, утративших силу с введением в действие постановления ЦИК и СНК Союза ССР от 17 июля 1925 г. об отмене канцелярского сбора («Собр. Зак. Союза ССР» 1925 г. № 45, ст. 331).

9. Постановлением Президиума ВЦИК от 14 сентября («Изв. ЦИК СССР» от 2 октября, № 225) утвержден перечень городских поселений Вологодской губ.

10. В № 226 «Изв. ЦИК СССР» от 3 октября опубликовано постановление СНК РСФСР от 15 сентября о передаче московскому губисполкому некоторых государственных музейных и художественных ценностей. Ремонт и реставрация передаваемых памятников старины, природы, быта должны производиться по согласованию с Главназдой Наркомпроса.

11. Постановлением ВЦИК и СНК РСФСР от 21 сентября о порядке установления в местных государственных учреждениях часов занятий («Изв. ЦИК СССР» от 1 октября, № 224) право устанавливать часы занятий предоставлено ЦИКам автономных республик, краевым, областным, губернским и окружным исполкомам в соответствии с местными условиями и интересами населения.

М. Брагинский.

Из деятельности Наркомюста.

Раз'яснения Отдела Законод. Предп. и Кодификации.

О действии декрета 28 марта 21 г. о конфискации и реквизиции имущества частных лиц в местностях, освобожденных от неприятеля.

Народный Комиссариат Юстиции по Отд. Зак. Предп. и Код. раз'яснил Тюменскому окрисполкому (за № 11в.43 от 4 авг. 1925 г.).

«1. Декрет 28 марта 1921 г. не утратил своего действия в связи с изданием декрета 17 октября 1921 года («С. У.» 1921 г. № 70, ст. 564), так как удержался в виде

приложения (7-го п. «д») к ст. 70 Гражданского Кодекса изд. 1922 г.

2. Окружный исполком может и в настоящее время выносить постановления о конфискации имущества лиц, проживающих в местностях, которые были временно заняты контр-революционными войсками, если названные лица добровольно ушли с противником, и до момента состоявшегося постановления о конфискации добровольно не возвратились на покинутые ими места.

3. Необходимо, однако, различать два вопроса: вопрос о конфискации имущества лица, добровольно ушедшего с противником, и вопрос о конфискации имущества двора, к составу которого принадлежит данное лицо.

4. Имущество двора подлежит конфискации только в тех случаях, когда все члены двора добровольно ушли с противником и имущество двора вследствие этого стало как бы безхозяйным.

5. В тех же случаях, когда с противником ушли не все члены двора, а только один или несколько, а другие остались на месте и продолжают пользоваться имуществом двора на правах трудовых землепользователей, имущества двора не подлежат конфискации, и таковая может быть направлена только на личное (не входящее в состав имущества двора) имущество лиц, добровольно ушедших с противником.

6. Постановление о конфискации должно отвечать условиям, означенным в п. 2 декрета. Постановление, исходящее от окружного исполкома, подлежит утверждению в каждом отдельном случае президиумом областного исполкома.

7. По вопросу о том, распространяется ли действие декрета 28 марта 21 г. также на имущество лиц, кои добровольно ушли с неприятелем, но ранее, чем состоялось постановление о конфискации их имущества (строений), добровольно возвратились на оставленные места, и если распространяется, то с какими ограничениями, указания даны в постановлении ВЦИК от 15 июня 1925 г., опубликованном в «Известиях ЦИК» от 26 июня 1925 г. № 143».

Переходят ли национализированные строения торгово-промышленного характера в разряд муниципализированных, если они используются вопреки их прямому назначению, напр., сдаются в аренду для целей, не связанных с производством.

НКЮ по Отд. Зак. Предп. и Код. разъяснил МУНИ (раз. № 902. в. 43 от 3/8—25 г.):

«1. Поставленный вопрос имеет значение только в отношении общесоюзных и республиканских трестов, так как для местных трестов разграничение между национализированными и муниципализированными строениями не имеет практического значения, ибо имущество местных трестов принадлежит к составу имущества местных советов (ст. 1 постановления об имуществах местных — советов — «С. У.» 1923 г. № 113, ст. 1046).

2. Разграничение между национализированными и муниципализированными строениями возникло в процессе ликвидации частной собственности в городах и основано на ст. 4 и 14 декрета 20 августа 1918 г. («С. У.» 1918 г. № 62, ст. 674), изъмлющих из муниципализации строения, являющиеся необходимо принадлежностью промышленных предприятий или имеющие специальное назначение общегосударственного характера. Это разграничение, созданное законодательством эпохи военного коммунизма, было закреплено позднейшим законодательством в виде распре-

деления имущества между Союзом и союзными республиками, с одной стороны, и местными советами — с другой. В силу постановления 3-ей сессии ЦИК'а 1-го созыва об имуществах местных советов («С. З.» 1923 г. № 113, ст. 1046) имущества, находящиеся в ведении центральных органов Союза ССР и союзных республик или входящие в состав предприятий общегосударственного значения, т. е. в состав союзных и республиканских трестов, не относятся к имуществу местных советов и являются имуществами Союза ССР или союзных республик. И подобно тому, как изъятие из ведения местных советов их имущества может последовать исключительно по постановлению Президиума ЦИК'а Союза или Президиума ЦИК'а соответствующей союзной республики (ст. 6 пол. об имуществах местных советов), так и для перехода государственных имущества союзного или республиканского значения в разряд имущества местных советов необходимо постановление тех же законодательных органов.

Из изложенного следует, что национализированные строения, числящиеся в уставном капитале общесоюзных или республиканских трестов, не могут перейти в разряд муниципализированных строений силою одного факта использования их вопреки их прямому назначению. Для такого перехода необходимо специальное постановление верховных органов союзной или республиканской власти.

3. Помимо вышесказанного, нельзя не принять во внимание того обстоятельства, что факт использования национализированного строения промышленного характера вопреки его прямому назначению вряд ли может иметь место. Национализированные строения промпредприятия, будучи переданы для эксплуатации тресту, находятся в то же время в ведении Высшего Совета Народного Хозяйства Союза или союзной республики. Уставные капиталы трестов предоставляются им союзным или республиканским ВСНХ по утверждению СТО или ЭКОСО (ст. 11 декрета от 10/IV—23 г.), при чем эти капиталы могут быть перемещаемы ВСНХ в порядке изменения устава из одного треста в другой (ст. 28, п. «ж», декрета о трестах от 10/IV—23 г.). Таким образом, для установления неиспользования национализированного строения по его прямому назначению необходимо доказать, что для всей промышленности, находящейся в ведении союзного или республиканского ВСНХ, а не только для данного треста, это строение не может быть использовано для промышленных целей. Но такой факт редко может иметь место.

С другой стороны, ст. 28, п. «а», декрета о трестах от 10 апреля 1923 года дает право ВСНХ сдавать в аренду национализированные строения, устанавливая, таким образом, положение, что сдача таких строений в аренду не противоречит порядку их использования, указанному в законе. Само собой разумеется, что в ст. 28, п. «а» речь идет лишь о такой аренде, которая является подсобной эксплуатацией промышленного имущества, используемого в главнейшей, основной своей части для промышленных целей.

По изложенным соображениям Наркомюст находит, что поставленный вопрос разрешается в отрицательном смысле».

Из деятельности Верховного Суда РСФСР.

Определения гражд. касс. коллегии.

ОПРЕДЕЛЕНИЕ ПО ДЕЛУ № 3724 — 1925 года.

2/X—1924 года гр-пе Александров, Барышев и Кулемины обратились в Ленинградский губсуд с иском о признании неправильным состоявшегося исключения их из числа членов Ленинградского т-ва ответственного труда и о восстановлении их в правах членов этого т-ва, указывая, что исключение их из числа членов т-ва состоялось в нарушение 31 ст. устава т-ва не за предосудительное поведение и поступки, подрывающие доверие к т-ву, а за то, что они стремились создать среди членов т-ва группу для соответствующего изменения организации т-ва путем подчинения т-ва Госстраху.

8/X—1924 года четыре члена этого же Ленинградского т-ва ответственного труда—Тайдышко, Филоков, Орлов и Романов подали в тот же губсуд исковое прошение, в котором объяснили, что в 1924 году они обслуживали в качестве артельщиков главную кассу управления Октябрьской ж. д. и, будучи недовольны существующей организацией т-ва, стремились организовать членов т-ва на почве перехода к государственному гарантийному страхованию, для чего организовали ячейку и 29/VII—1924 г. созвали общее собрание артельщиков главной кассы Октябрьской ж. дор., на котором была принята резолюция, приветствующая гос. гарантийное страхование и выражающая недовольство правлением т-ва. За это правление т-ва сняло их с занимаемых ими должностей в главной кассе и заменило их другими работниками. Признавая такое лишение их должностей неправильным, они просили губсуд: о признании снятия их с работы неправильным, о восстановлении их в прежних должностях и о признании за ними права на получение с т-ва зарплаты с момента увольнения их с прежних должностей. Постановлениями собрания уполномоченных т-ва от 13/XI—1924 года гр.гр. Тайдышко, Филоков, Орлов и Романов были исключены из числа членов т-ва и вследствие этого к заявленным ими исковым требованиям они прибавили требование о признании их исключения из т-ва неправильным. Оба дела по указанным исковым прошениям губсуд объединил в одно. Ответчики, т.-е. Ленинградское т-во ответственного труда, в оправдание правильности исключения истцов из числа членов т-ва представили копии постановлений собрания уполномоченных т-ва об исключении каждого из семи истцов, в коих подробно изложены причины, послужившие основанием для исключения их.

Ленинградский губсуд, рассмотрев это дело 22—27 декабря 1924 года, признал: 1) что исключение истцов из состава т-ва было произведено правильно и в полном соответствии с требованиями устава т-ва и закона, а также в соответствии с 1 ст. Г. К., так как истцы совершенно не поняли принципиальной агитационной кампании за реорганизацию т-ва и за идею государственного страхования и развили агитацию против правления т-ва и самого т-ва, вызывая деморализацию среди членов т-ва и недоверие к т-ву и его органам; 2) что некоторые истцы допустили нерадивое исполнение своих служебных обязанностей и даже неподчинения распоряжениям уполномоченных т-ва и 3) что постановления об исключении истцов состоялись правильно с соблюдением требований устава т-ва. По этим соображениям губсуд отказал всем 7 истцам в иске о признании их исключения из состава

т-ва неправильным и о восстановлении их в правах членов т-ва. В подающей на это решение кассационной жалобе истцы указывают: 1) что причины их исключения, указанные в решении, вовсе не упоминаются в постановлениях уполномоченных т-ва и, следовательно, изложены судом неправильно, 2) что признание их исключения правильным и произведенным согласно уставу т-ва неосновательно, так как 76 ст. устава т-ва была нарушена: в собрании было менее половины всего числа уполномоченных, требуемого этой статьей для действительности исключения. Кроме того, в жалобе оспариваются и другие положения, установленные в решении, а именно: указание на ряд неправильных поступков, отнесенное оглулито ко всем истцам, тогда как их совершили только некоторые истцы, указание на положительные стороны деятельности т-ва ответственного труда, возложение на истцов ответственности за увеличение растрат в т-ве.

Г. К. К. Верховного Суда вынесла по этой кассационной жалобе определение:

Именем РСФСР 1925 года, мая 16 дня, Верховный Суд по кассационной коллегии по гражданским делам, в составе: председателя С. М. Пруницкого, членов: А. А. Крамер-Агеева, И. Л. Козлова, при прокуроре Абрамове, в открытом судебном заседании слушал дело по иску гр-п: Александрова, Барышева, Кулемина, Филокова, Тайдышко, Орлова и Романова к Ленинградскому т-ву ответственного труда о признании исключения истцов из состава т-ва недействительным, по кассационной жалобе гр-п: Александрова, Барышева, Кулемина, Филокова, Тайдышко, Орлова и Романова на решение Ленинградского губсуда от 22/27 дек. 24 года, коим определено: «В иске гражданам: Александрову, Василию Александровичу, Барышеву, Илье Дмитриевичу, Кулемину, Арсению Владимировичу, Филокову, Александру Прокофьевичу, Тайдышко, Степану Герасимовичу, Орлову, Петру Ивановичу, и Романову, Николаю Андреевичу, к Ленинградскому т-ву ответственного труда о признании их исключения из состава товарищества неправильным и недействительным и о восстановлении их в правах членов товарищества—отказать. Издержки производства в сумме 7 руб. в разных частях возложить на истцов в пользу ответчика».

Рассмотрев кассационную жалобу, Г. К. К. находит, что установление губсудом факта агитации членов артели за реорганизацию своей же артели не является достаточным основанием для признания правильным исключения их из состава Ленинградской артели отв. труда. Самые доводы губсуда по этому поводу представляют противоречие с обстоятельствами дела, установленными судом. Если суд находит, что «организация т-ва ответственного труда, как порожденная в условиях капиталистического хозяйства, не могла не вызывать критического к себе отношения со стороны трудящихся в самой среде членов товарищества», и далее, что более обеспеченная часть артели захватила в руки органы управления, вследствие чего у пролетарской части появилось стремление к замене существующей организации товарищества, и если губсуд не установил, что агитация исключенной группы членов товарищества велась в личных, а не в общественных целях, то у суда не было никакого основания для признания, что указанная группа осуществляла свои права в противоречии с их социально-хозяйственным на-

значением, при чем каждый из ответчиков несет ответственность только за свои личные действия и разрешить вопрос нельзя огульно по отношению ко всем. Никакого значения для дела не могут иметь указания губсуда на вековую спаянность и дисциплину старых артелей и на отсутствие за двухсотлетие их существования случаев несостоятельности, тем более, что эти указания ни в малейшей мере необоснованы. Губсуд совершенно не учел той борьбы, которая по словам решения, неизбежна должна была возникнуть в недрах артели. Но если идет внутри артели борьба, то деятельность меньшинства не может не быть признаваема большинством нарушающей устав и интересы артели. С внешней формальной стороны дело так и обстоит. Однако, подход губсуда к формам и задачам происходившей внутри артели борьбы должен был быть иным, чем опирающегося на устав большинства артели. Губсуд не выявил в должной мере внутреннего содержания имевших место явлений в артельной борьбе. В зависимости от чего находится вопрос об исключении. По изложенным обстоятельствам Г. К. К. определяет: Решение Ленинградского губсуда от 22—27 декабря 1924 года отменить и дело передать в тот же губсуд в ином составе.

ОПРЕДЕЛЕНИЕ ПО ДЕЛУ № 3817—1925 г.

В сентябре 1924 г. начальник юридического отдела МУНИ обратился в Московский губсуд с исковым заявлением, в котором объяснил, что Московский губотдел Всероссийского союза рабочих полиграф. производства снял в аренду владение по Рождественскому бульвару и Б. Кисельному пер., д. № 12/8, сроком с 1 января 1923 г. на три года с правом сдачи помещения в субаренду на основании п. 14 договора. По п. 7 договора арендатор принял на себя обязанность произвести весь необходимый капитальный и текущий ремонт. Часть означенного помещения площадью 284,47 кв. саж. губотдел Вс. союза рабочих полиграфического производства сдал от себя по договору от 11 декабря 1923 г. в субаренду Госрыбторгу сроком с 1 января 1923 г. на три года. По этому договору Госрыбторг обязался произвести капитальный и текущий ремонт по арендному и помещению. По постановлению Комиссии по разгрузке г. Москвы Госрыбторг был переведен из указанного помещения в другое, и после его отъезда оказалось, что оставленное Главрыбторгом помещение не было отремонтировано надлежащим образом и не приведено в порядок. Истец, основываясь на ст. ст. 117 и 159 Г. К. и примеч. к ней и на п. 7 договора, просил взыскать с ответчика, Всероссийского союза рабочих полиграф. производства и Госрыбторга, в пользу МУНИ убытки в сумме стоимости произведенного ремонта, 40.467 руб. 01 коп. В судебном заседании от 4 ноября 1924 г. губсуд нашел, что Госрыбторг, пользование коего арендованным помещением было прервано против его воли, должен возместить стоимость лишь того ремонта, который был необходим для поддержания помещения в состоянии, удовлетворяющим потребностям обычного советского учреждения, и что с этих расходов должна быть сделана скидка на то время, в течение которого Госрыбторгом помещение не использовано.

По изложенным соображениям губсуд удовлетворил иск МУНИ к Госрыбторгу в сумме 11.569 руб. 60 коп., определив в случае неплатежа этой суммы ликвидационной комиссией Госрыбторга взыскать таковую сумму с Моск. губотдела Всероссийского союза рабочих полиграф. производства.

В кассационной жалобе, поданной в Верховный Суд, поверенный ликвидационной комиссией по делам Госрыбторга просил отменить решение губсуда на том основании, что признание истцу убытков с Госрыбторга преимущественно перед главным арендатором нарушает ст. 168 Г. К., в силу коей нанятель, сдавший нанятое имущество или часть его в поднаем, остается ответственным по договору перед наймодателем.

Г. К. К. Верховного Суда вынесла по настоящему делу следующее определение:

Именем РСФСР 1925 года, мая 16 дня, Верховный Суд по кассационной коллегии по гражданским делам, в составе: председателя С. М. Прушицкого, членов: А. А. Крамер-Агеева, И. Л. Козлова, при прокуроре Абрамове в открытом судебном заседании слушал дело по иску МУНИ к ликвидному п/д Госрыбторга и Моск. губотделу Всер. союза рабочих полиграфического производства о взыскании по договору аренды, по кассационной жалобе ликвидкома п/д Госрыбторга на решение Московского губсуда от 4 ноября 24 года, ким определено:

«Взыскать с ликвидационной комиссии Госрыбторга в пользу МУНИ одиннадцать тыс. пятьсот шестьдесят девять руб. 60 коп. с 6% годовыми с 10/IX—1924 г. по деп. уплаты; в случае неплатежа этой суммы ликвидкомиссией Госрыбторга взыскать таковую в пользу МУНИ с Московского губернского отдела Всероссийского союза рабочих полиграфического производства. В остальной части иска МУНИ—отказать. В виду частичного удовлетворения иска издержек за ведение дела не взыскивать. Взыскать с Госрыбторга и субсидиарно с губотдела печатников в пользу эксперта Панюшкова сто пятьдесят руб. и судебную пошлину в доход Республики 347 руб. 08 к. и в местные средства 347 р. 08 коп.»

Рассмотрев кассацию, Г. К. К. находит, что решение губсуда в отношении Госрыбторга не может быть оставлено в силе по следующим основаниям: 1) Губсуд признал договор, заключенный между губотделом печатников и Госрыбторгом, субарендой; однако, вопреки точному смыслу ст. 168 Г. К., губсуд пришел к неправильному выводу, что прямым ответчиком перед МУНИ, в виду состоявшегося между Госрыбторгом и губотделом печатников с ведома МУНИ договора субаренды, является Госрыбторг, а губотдел печатников является лишь субсидиарным ответчиком. 2) По договору субаренды правоотношения возникают между нанимателем и поднанимателем; наймодатель же с поднанимателем (субарендатором) ни в каких юридических взаимоотношениях не состоит. При всех случаях поднайма, в том числе и тогда, когда обязательно разрешение наймодателя (примеч. к ст. 168 Г. К.), наниматель остается ответственным по договору перед наймодателем (ст. 168 Г. К.). Поэтому совершенно не меняет существа договора субаренды и ответственности по нему то обстоятельство, что договор между губотделом печатников и Госрыбторгом заключен с ведома МУНИ, ибо согласно § 14 договора МУНИ с губотделом печатников право субаренды предоставлено последнему, именно с обязательством немедленного уведомления МУНИ. 3) Другое дело, если бы губсуд установил, что в данном случае имеет место не поднаем, а переналем (цессия), заключающийся в переуступке нанимателем своих прав и обязанностей по договору третьему лицу. Следствием такой переуступки, совершаемой с согласия нанимателя (ст. 126 Г. К.), является полное устранение из договора первоначального нанимателя, а, следовательно, и прекращение его ответственности перед наймодателем. 4) Таким образом, и в этом случае ни

субсидиарной ответственности речи быть не может. Паниматель либо отвечает перед наймодателем по договору в полном объеме, если даже допустим субаренду, либо совсем не отвечает, если, совершив с согласия наймодателя перенаем, перестал уже быть панимателем, если иное не установлено договором. 5) Поэтому, поскольку губсуд установил, что в данном случае имеет место поднаем, ему надле-

жало, согласно 168 ст. Г. К., признать ответчиком по делу губсуде печатников, освободив Госрыбторг от ответственности по данному делу.

По изложенным обстоятельствам Г. К. К. определяет: решение Московского губсуда от 4/ХІ—24 г. в отношении Госрыбторга отменить и дело в этой части производством прекратить.

Х Р О Н И К А.

Статистика происшествий на жел. дорогах.

По данным Центрального Управления железнодорожного транспорта НКПС, в 1923 г. на 100.000 поездо-верст было 1,53 происшествия, в 1921 г.—8,82, 1922/23—5,54, в 1923/24—6,06, в 1924/25 (I квартал)—5,03. Однако, цифры 1913 и 1923/24 г. нельзя сравнивать без оговорок: частные дороги в довоенное время давали меньшее число происшествий, чем казенные, разрушения дорог в период империалистической и гражданской войны повлекли за собой увеличение количества происшествий; изменились методы и способы работы транспорта, понизилась квалификация агентов, изменен порядок учета и статистики происшествий.

По установившейся квалификации происшествий делаются на следующие группы: сходы поездов на перегонах и станциях, сходы подвижного состава при маневрах, столкновения поездов на перегонах и станциях, столкновения подвижного состава при маневрах, разрывы поездов на перегонах, разрыв поездов на станциях, пожары в поездах, предупрежденные случаи и прочие происшествия. Сходы поездов по количеству при сравнении данных 1913 г. и последних лет дали снижение прямо пропорциональное сближению общего числа происшествий вообще. Сходы на маневрах, превышая в 5 раз количество подобных же происшествий в 1913 г., далеко отстали от сближения общего числа происшествий и требуют к себе особого внимания. Столкновения поездов дали за последние 2 года сравнительно значительное снижение. Столкновения при маневрах на 100.000 поездо-верст: в 1913 г.—0,12 случаев, в 1921 г.—0,32 и продолжают оставаться на одном и том же уровне. Разрывы на перегонах, повысившись с 0,23 до 1,08 в 1921 г., в течение двух лет оставались приблизительно на одном уровне, затем начали резко повышаться, дойдя до 2,07 в I кварт. 1924/25 г., что показывает явное неблагополучие в этой группе. Разрывы поездов на станциях дали в 1923/24 г. резкое повышение и несколько снизились лишь в 1925 г. Пожары в поездах дают систематическое снижение, что зависит от перехода отопления паровозов на минеральное топливо. Прочие происшествия в I кварт. 1924/25 г. в 1,3 раза превышают данные 1913 г. Таким образом, самый слабый пункт в деле борьбы с происшествиями—главную роль играет или непосредственная вина агентов, или же неисправность подвижного состава и пути.

Причины происшествий делятся на следующие категории: непосредственная вина железнодорожных агентов, неисправность подвижного состава, неисправность пути и устройств, разрывы и саморасцепки, пожары в поездах, злой умысел, случайные причины, невыясненные причины, прочие причины. Распределение по систематическим данным всех происшествий по отдельным их причинам следующие: на непосредственную вину агентов на-

дает в I кв. 1924/25 г. 22,4% от общего количества или 1,13 случая на 100.000 поездо-верст, и за последние 4 года остается приблизительно на одном уровне. По сравнению с 1913 г. эта категория возросла в 3 раза. Борьба с происшествиями этой категории должна проводиться в порядке определенного воздействия на агентов, причастных к движению, в смысле их должного подбора, воспитания и поднятия и укрепления должной дисциплины, их инструктирования, проверки знаний и снабжения соответственными должностными инструкциями, подема их квалификации, постоянного надзора и инспектирования их деятельности, установления определенного порядка наложения взысканий и проведения должной ответственности. Происшествия по причине неисправности подвижного состава увеличились с 1913 г. в 4,5 раза. При борьбе с этой категорией происшествий независимо от изыскания средств и мероприятий к улучшению технических качеств подвижного состава вообще должно быть обращено особое внимание и на скрытые причины происшествий, зависящие непосредственно от соответствующих железнодорожных агентов. На неисправность пути падает в I кв. 1924/25 г. 4,2% от общего числа, в 10 раз превышая 1913 г. Колоссальное увеличение этой категории происшествий зависит, главным образом, от изношенности верхнего строения пути, по безусловно может иметь значение и неправильность в организации работ по ремонту пути, а равно и неудовлетворительность за ним надзора. Разрывы поездов идут на значительное повышение и в 8 раз превышают 1913 г. Пожары в поездах идут на определенное понижение. Злоумышленные причины дают довольно незначительное число происшествий, но тем не менее они заслуживают особого к ним внимания, так как при 2,7% сходов по данным причинам от общего числа сходов число пострадавших при сходах от указанных причин достигает 55% от общего числа пострадавших при сходах вообще. Происшествия по случайным причинам, повысившись с 0,39 в 1913 году до 0,51 в 1921 г., остаются на одном уровне. Причины невыясненные идут беспрерывно на убыль, как и прочие причины.

По мнению Центр. Упр. железнодорожного транспорта, если рост количества происшествий прекратился и с конца 1924 г. начал снижаться, все же борьба с происшествиями должна носить ударный характер, имея в основе как ряд мероприятий к улучшению технического состояния пути и вагонов, так и кампанию за упрочение жесткой дисциплины, кампанию по борьбе с происшествиями, вызываемыми проявлением злой воли и умысла, с проведением за эти преступления наказаний в усиленном и упрощенном порядке.

Основные положения Центр. Упр. ж.-д. транспорта послужили предметом обсуждения и были утверждены в коллегии НКПС.

Урегулирование производства дознаний по письмам рабкоров и селькоров.

НКВД предложил местным административным отделам (ц. № 289 1925 г.—«Бюлл. НКВД», № 24) впредь под-вергать селькоров и рабкоров допросам и вторичному под-тверждению указываемых ими фактов лишь в случаях крайней необходимости, когда личный допрос селькора или рабкора необходим для дачи более точных указаний и раз'-яснений, без которых правильное и успешное дознание не может быть произведено.

В виду наблюдающейся медленности производства дозна-ний по заметкам рабкоров и селькоров, нарушающей уста-новленный ст. 105 УПК месячный срок, НКВД предложил принять все возможные меры к устранению производства дознаний по письмам и заметкам сельских и рабочих кор-респондентов, поступающих как непосредственно от них, так и из НКВД.

Пресмотр административными органами обязательных постановлений исполкомов.

В целях наблюдения за законностью и целесообраз-ностью издаваемых исполкомами обязательных постановле-ний НКВД обязал краевые, областные и губернские админи-стративные отделы (ц. № 260 1925 г.—«Бюлл. НКВД», № 21) представлять в НКВД все изданные ими обязатель-ные постановления 1 и 15 числа каждого месяца. Окружные адм.отделы и уездные управления милиции должны пред-ставлять также все изданные ими обязательные постановле-ния в краевой, областной или губернский исполком не позже недельного срока со дня издания. В такой же срок район-ные и волостные упр. милиции представляют в уездные упр. милиции обязательные постановления рай- и волспол-комов.

Административные органы при просмотре поступающих к ним обязательных постановлений должны руководство-ваться не только вопросом соответствия их законам, цирку-лярам, инструкциям и обязательным постановлениям выше-стоящих исполкомов, но и их целесообразностью.

Обязательные постановления должны быть просмотрены в срок, не превышающий двух недель со дня их поступле-ния.

При установлении незаконности или нецелесообразности обязательного постановления административные органы входят с представлением об его отмене или изменении в со-ответствующие исполкомы.

Ответственность за своевременность представления всех обязательных постановлений возлагается персонально на лицо, возглавляющее административный орган.

Дактилоскопические отпечатки при пересылке аресто-ванных.

По данным Главумзака, при пересылке уголовным розы-ском в этапном порядке заключенных из одного города в другой часто наблюдаются случаи, что указанные аресто-ванные для облегчения возможности побегов злонамеренно обмениваются между собою именами и фамилиями.

Поэтому Гл. Упр. местами заключения предложено (ц. № 324 1925 г.—«Бюлл. НКВД», № 25) местам заклю-чения сопроводительные карточки (открытые листы) пере-сылаемых этапом уголовных преступников снабжать (а при приеме требовать) дактилоскопическими отпечатками и фотографиями, снятыми в подлежащих регистрационных бюро уголовных розысков.

Вовлечение низового советского аппарата в работу по пе-редаче лесов местного значения.

Наркомзем представил во ВЦИК РСФСР проект цирку-лярного распоряжения ВЦИК'а по вопросу о вовлечении волисполкомов и сельсоветов в работу по передаче лесов местного значения и организации в них хозяйства.

В проекте указывается, что передача лесов местного значения в бессрочное и бесплатное пользование трудо-вым землепользователям, имеющая целью восстановление и поднятие трудового крестьянского хозяйства, требует широкого содействия со стороны низовых органов совет-ской власти.

По линии Наркомзема на места даны ясные, нечере-зующие указания о вовлечении ВИК'ов и сельсоветов в эту работу образованы специальные комиссии по передаче сельскому населению лесов местного значения, при чем в состав этих комиссий входят председатель волисполкома и уполномоченные заинтересованных землевладельческих обществ.

Таким образом, вся работа по обследованию переда-ваемых лесных участков по распределению их между отдельными лесопользователями и по оформлению самой передачи крестьянам должна протекать при непосредствен-ном и ближайшем участии представителей ВИК'ов и сель-советов. Кроме того, положение Наркомзема о лесах мест-ного значения предусматривает права ВИК'ов по надзору за правильным хозяйством в этих лесах и права сельсо-ветов по управлению лесами местного значения, их охране и эксплуатации.

Проект циркуляра ВЦИК'а, разработанный Наркомзе-мом, предусматривает предписание волисполкомам и сель-советам принимать самое широкое и деятельное участие в деле передачи лесов местного значения и организации и ведения в них хозяйства на основе существующих законо-положений и инструкций Наркомзема о лесах местного значения.

Неустойка и убытки при отказе лесопотребителей от лесосечи.

НКФин и НКЗем разъяснили (раз. НКЗ № 318/91—43—25 г.), что возможны три момента отказа от лесосечи со стороны потребителей:

- а) после заключения типового договора, но до выбора лесорубочного билета;
- б) после выборки лесорубочного билета, но до начала рубки лесосеки, и
- в) после выборки лесорубочного билета и начала рубки.

В первом случае, при отказе от лесосечи по вине лесо-потребителей, следует взыскивать с них только 10% не-устойки. Во втором случае, когда лесорубочные билеты вы-даны и, следовательно, отказ лесорганизаций от выполне-ния договора может нанести государству убытки, за не-возможностью своевременно поставить на торги предоста-вленные им лесосеки, при наличии вины лесопотребителя необходимо взыскивать не только 10% неустойки, но и понесенные убытки. В третьем случае, когда лесосека уже частично тронута рубкой, отказы от нее приниматься не должны и прежняя стоимость в таких случаях взыскивается полностью, за исключением тех случаев, кои до сего вре-мени предусмотрены специальными распоряжениями НКФ и НКЗ.

Суммы, взыскиваемые в счет неустойки и в возмеще-ние понесенных государством убытков, подлежат зачисле-нию в доход казны, как попенная плата.

Порядок сдачи в аренду госземимущества.

НКЗем подтвердил местам (ц. № 426/95—32 от 21/VIII—25 г.), что без торгов доходные статьи могут быть сданы только в двух случаях: 1) беднейшему населению, организованному в коллективы, согласно п. 6 декрета СНК РСФСР от 12/VI—25 г., и 2) в случае безупречности сдачи статей с торгов; в этом случае доходные статьи сдаются по соглашению на срок не более 3 лет (ст. 17 декрета от 23/VIII—23 г.)

Договоры о застройке земельных участков из состава госземимущества.

По сведениям НКЗема, заключение договоров о застройке внегородских земель проводится местными земотделами очень медленно, отзываясь неблагоприятно на выполнении строительной программы.

Учитывая всю важность для государства жилищного строительства, Наркомзем предписывает заключать договоры о застройке земельных участков из состава госземимущества с жилищно-строительными организациями без всякой задержки в срочном порядке, при чем руководствоваться ст. 71—84 Гр. Код. и постановлением СНК СССР «о налоговых льготах для застройщиков» от 23/VII—25 г.

Порядок обращения взыскания на имущество, принадлежащее подопечным.

В практике взыскания недоимок принудительными мерами наблюдаются случаи, когда наружный палоговый надзор налагает арест на имущество, принадлежащее подопечнику лишь в определенной доле, в остальных же долях — подопечным несовершеннолетним членам семьи, живущим вместе с подопечным. В результате создается положение, при котором имущественным интересам подопечных причиняется ущерб.

В виду этого НКФин разъяснил местным финорганам (ц. № 701—25 г. «В. Ф.» № 65), что в случае обращения взыскания на имущество, принадлежащее не только подопечнику, но и подопечным членам семьи, живущим вместе с подопечным, и значащегося по описи, арест на имущество может быть наложен только после предварительного сношения с органами опеки над несовершеннолетними.

Разъяснение по гербовому сбору.

Наркомфин СССР постановил освободить от гербового сбора ходатайства о сложении штрафов за нарушение правил о налогах и сборах и ответы на эти ходатайства бухгалтерии, если сумма штрафа не превышает 25 рублей.

Разъяснения по сельхозналогу.

НКФин сделал следующие разъяснения по сельхозналогу: В том случае, если на землях, принадлежащих комитетам крестьянской взаимопомощи, производится посевы частными лицами на арендных началах, налог за эти земли платят арендаторы.

Согласно ст. 31 Зем. Кодекса, трудовая аренда земли допускается лишь в случаях использования арендатором своей наделной земли.

По точному смыслу § 30 инструкции от 6 июня с/г., раздельное обложение арендованных земель предусматривалось в тех хозяйствах, в которых арендатор использует свою наделную землю, в противном случае аренда не является трудовой, и к ней не может быть применено льготного обложения.

От обложения сельхозналогом освобождаются земельные участки и конский состав, обслуживающие исключительно пожарные организации.

Таким образом, лошади, обслуживающие кроме пожарных дружин и отдельные хозяйства, а также и земельные площади, не принадлежащие полностью дружинам, не могут быть освобождены от налога.

Работники леса освобождаются от налога только в том случае, если их надел не превышает 5 дес., отводимых в пределах дач государственного лесного фонда. Это условие в одинаковой степени обязательно как для районов, облагаемых по пашне, так и по посеву.

В секции воздушного права при Авиахиме.

2-го октября состоялось очередное общее собрание секции воздушного права при союзе Авиахим СССР под председательством проф. И. С. Перетерского. Был заслушан доклад по вопросу о страховании воздушных пассажиров, с обсуждением только что изданных Госстрахом правил этого вида страхования. Затем было заслушано сообщение секретаря секции, доложившего тезисы VII-го международного авиационного юридического конгресса (заседающего с 28 сентября по 8 октября с. г. во Франции, в г. Лионе) по вопросам международных авиационных таможенных и страховых правил. По обсуждении этих тезисов, была создана комиссия секции для создания проекта Кодекса воздушного страхования СССР со включением правил страхования воздушных судов, грузов, пассажиров, летного состава и гражданской ответственности.

По союзным республикам.

Судимость в АЗЕРБАЙДЖАНЕ.

Демографическим отделом азербайджанского центрального статистического управления закончена разработка материалов об осужденных в 1924 году народными и военными судами АССР.

Всего было осуждено независимо от рода наказания — 2.253 человека (2.168 мужчин и 85 женщин), из них за государственные преступления 1 человек, за нарушения порядка управления (уклонение от воинской повинности, нарушение правил охраны лесов, видов на жительство и проч.) — 883 человека, за преступления против личности

(среди них за убийство 200 человек, за половые преступления 63 человека) — 484 человека, за имущественные преступления — 752 человека (здесь преобладают кражи — 599 человек), за воинские преступления — 85 человек, за служебные преступления, подлоги и взяточничество — 158 человек.

СЕЛЬСКО-ХОЗЯЙСТВЕННАЯ КОЛОНИЯ НКЮ АССР.

Наркомюстом Азербайджана разработан проект создания первой трудовой сельско-хозяйственной колонии для заключенных, отпускаемых на принудительные работы.

Колония предполагается устроить в Бакинском уезде в окрестностях станции Насосной.

Смета на постройку служб и помещений для жилья, пекарни, кухни, мастерских и на приобретение сельскохозяйственных машин и орудий разработана одним из заключенных в исправном.

В ближайшее время вопрос о создании такой колонии и об отпуске для этого необходимых средств будет обсуждаться в высшем экономическом совете АССР.

ПРОВЕРКА ПРАВОЗАСТУПНИКОВ В БАКУ.

В Баку закончилась проверка членов коллегии правозаступников. Из 109 состоявших в коллегии исключены

80 человек. Таким образом, в коллегии защитников осталось всего 29 человек.

НОВЫЕ СУДЫ В АЗЕРБАЙДЖАНЕ.

Согласно постановлению Азесовнаркома об увеличении числа парсулов на территории АССР до 50, отделом судоустройства и судебного надзора Наркомюста предложено открыть новые суды в следующих уездах: Кубинском, Шемахинском, Галджинском, Шамхорском, Казахском, Нухинском и Закатальском, по два новых парсуда и в Лепкоранском, Аздашском, Адаманском и Джебраильском—по одному. Один новый парсуд будет создан также в гор. Баку.

А. Ж.

По автономным республикам.

СЪЕЗД СУДЕБНЫХ РАБОТНИКОВ КАРАКАЛПАКСКОЙ АВТОНОМНОЙ ОБЛАСТИ.

В гор. Турткуле, областном городе Каракалпакской авт. обл. (бывш. Аму-Дарьинская область) с 23—25 июня состоялся первый съезд судебных работников области.

В повестке дня съезда следующие вопросы: 1) доклад о деятельности облсуда, 2) доклад о деятельности прокуратуры, 3) доклад о деятельности земельной комиссии, 4) доклады с мест, 5) наша судебная и карательная политика, 6) об укреплении революционной законности.

Делегаты на съезде: парсулы и парследователи—представители местного населения: каракалпаки, киргизы и узбеки, обсудили вопросы, вытекающие из судебной практики и своих нужд, заслушали ряд докладов по уголовному и гражданскому праву и процессу.

Особый интерес был проявлен делегатами к докладам по советскому гражданскому праву, устанавливающему новый порядок разбора и решения гражданских дел, разбиравшихся в недавнем прошлом судами казиев по шариаду и адату. На съезде получили освещение также вопросы с бытовыми преступлениями, как-то: калым, баранта и проч.

Из докладов с мест выяснилось, что парсуды и парследователи в большинстве случаев жалобы получают аккурратно, но еще недостаточно обеспечены средствами по содержанию канцелярии и совсем не получают средств на организацию выездных сессий. Последние выезжают только по налоговым делам на средства облфинотдела. Выезжая по налоговым делам, парсуды одновременно заезжают на места и остальные дела.

Я. В.

БОРЬБА ЗА РЕВОЛЮЦИОННУЮ ЗАКОННОСТЬ В ТАТАРСКОЙ РЕСПУБЛИКЕ.

Центром внимания НКЮ Татарской Республики, начиная с января 1925 года, была разработка и проведение мероприятий по усилению революционной законности и, главным образом, в деревне.

Детально проработанный коллегией НКЮ план деятельности органов юстиции в деревне намечает следующие линии этой деятельности:

1. Усиленное внимание прокурорского надзора низовому советскому аппарату, в целях выявления имеющих место непорядочностей, поступков и преступлений и,

как одно из действительных средств, связь с рабкорами и селькорами.

2. Платовая пропаганда важнейших правовых знаний среди крестьянства и расширение юридической помощи крестьянству.

3. Приближение судебных органов к населению путем платовых выездов на места и увеличение судебно-следственной сети кантонов.

4. Улучшение работы самого аппарата юстиции путем пересмотра личного состава в целях удаления не имеющих по тем или иным основаниям авторитета среди крестьянства и пополнения кадра судей и следователей юридически-квалифицированными и во всех отношениях классово-выдержанными работниками.

5. Усиление внимания хозяйственным и должностным преступлениям и усиление карательной политики по этим преступлениям. Эти задачи и, главным образом, постановка этой работы повлекли за собой необходимость созвать совещание кантонных прокуроров вместе с ответственными работниками центрального аппарата НКЮ и целый ряд иных совещаний с участием руководителей административного и хозяйственного аппарата.

Первое такое совещание было открыто 5-го мая в г. Казани.

На этом совещании была принята резолюция, в которой на работников юстиции возлагались следующие обязанности.

1. Распространить и популяризировать в плановом порядке популяризацию правовых знаний среди крестьянства, участвовать и ввести в систему обследования низовых органов власти—сельсоветов и ВИК'ов; в ближайший период времени просмотреть все обязательные постановления ВИК'ов и в будущем осуществлять постоянно наблюдение за изданием их. 2. Усилить надзор за административными взысканиями, налагаемыми ВИК'ом и исполкомами; устраивать обязательные выезды на места для парследователей, парсудей и прокурора, 3. Включить в поле деятельности прокурорского надзора кооперативы. 4. Осуществить связь с селькорами кантонов; все дела, возбужденные по замечкам селькоров и рабкоров, пропускать через органы юстиции в первую очередь. 5. Провести по всем участкам парсудов совещания парсудей. 6. Создать коллегии общественных обвинителей. 7. Признать необходимым проектируемое НКЮ расширение сети судебных и следственных участков. 8. Обеспечить необходимым тесное сотрудничество прокуратуры с комитетами взаимопомощи, особенно по части обслуживания их по юридическим вопросам.

Эти постановления совещания были НКЮ проведены в жизнь.

НКЮ была произведена ревизия всего кантонного аппарата юстиции, в результате которой было установлено, что на усиление революционной законности в деревне и на проведение в жизнь мероприятий по борьбе с хозяйственными и должностными преступлениями в кантонах обращается уже особое внимание и что устанавливается в общем связь с крестьянскими массами. На местах проводились совещания нарзаседателей, а также волостные совещания в составе членов ВИК'ов, председателей и секретарей сельсоветов, нарзаседателей, школьных работников, милиции, делегатов от женщин, комитетов взаимопомощи и сельских сходов, на которых разрешались важные для крестьян вопросы. На этих совещаниях и сходах сами крестьяне выявляли бюрократизм, волокиту, грубость и другие преступления отдельных должностных лиц. Растет связь с помпрокурора, с селькорами. Коллегии защитников командировывают периодически своих членов для оказания юридической помощи населению в кантонах.

Многое было сделано для привлечения к работе органов юстиции внимания руководителей партийных, советских и профессиональных учреждений. Так, за время с января по май были поставлены доклады по отдельным вопросам о деятельности НКЮ в областном комитете партии, в президиуме ЦИК'а и на пленуме Татарского совета профессиональных союзов.

Эти доклады имели своим результатом то, что НКЮ получила поддержку всем проводимым им мероприятиям со стороны руководящих учреждений. Далее были разрешены постоянные ходатайства НКЮ по таким вопросам, как отпуск средств на разъезды, расширение судебно-следственной сети и т. д.

Следует также отметить совещание прокуратуры с руководителями хозяйственного аппарата Татарии: ТОНХ, председателей трестов, правлений кооперативов и т. д.; на этом совещании замнаркомюстом был прочитан доклад «О борьбе с хозяйственными и должностными преступлениями и в связи с этим о направлении карательной политики».

На этом совещании был внесен ряд конкретных предложений о совместной работе руководителей хозорганов с прокуратурой по борьбе с хозяйственными и должностными преступлениями, каковые сейчас и осуществляются. Был создан также I всетатарский съезд рабселькоров, на котором с докладом выступил прокурор Татарской республики.

На ряду с целым рядом показательных процессов по обвинению преследователей рабселькоров, как, напр., дело Курилла, дело Полякова и т. д., съезд этот окончательно утвердил и упрочил связь органов НКЮ с рабселькорами и взаимосотрудничество.

Следовательно, была создана благоприятная обстановка для работы по проведению революционной законности.

В настоящее время полных, исчерпывающих результатов в распоряжении НКЮ еще нет, неполные же данные по имеющимся материалам по вопросу о внедрении революционной законности и по борьбе с должностными и хозяйственными преступлениями выражаются в следующем виде:

1. За 4 последних месяца выездных сессий главсуда было 7, которые, помимо выполнения своих прямых обязанностей, обривизовали и обследовали судебные и следственные участки этих кантонов и проверили деятельность прокурорского надзора и органов дознания.

2. В некоторые кантоны были командированы помпрокурора при НКЮ и Главсуде и ревизора-инструктора для инструктирования их деятельности.

3. Коллегия НКЮ заслушала 9 докладов с мест помпрокуроров, нарсудей и нарследователей.

4. Больших показательных процессов по хозяйственным и должностным делам главсудом было проведено 6, из них 3 непосредственно в селах.

5. Помпрокурора за отчетный период произвели около 100 выездов в села и деревни; кроме бесед с крестьянством по вопросам революционной законности, в большинстве эти выезды были использованы также для обследования шизоного аппарата (ВИК'ов, сельсоветов), и для инструктирования комитетов взаимопомощи по части юридических вопросов.

6. Общим надзором прокуратуры за последние 4 месяца было возбуждено 57 дел, большинство коих составляют должностные и хозяйственные преступления.

7. На места, для оказания юридической помощи населению и для инструктирования кантональных членов коллегии защитников были командированы члены коллегии защитников из гор. Казани.

Особое внимание органов НКЮ было обращено на борьбу с хозяйственными и должностными преступлениями, особенно растратами.

Всего за апрель—июль месяцы по главсуду было возбуждено 34 дела, из коих разрешено 23 дела или 67%; сумма растрат и убытков по ним равна 42.645 рублей.

Осуждено по этим делам на срок от 1 года до 3 лет лишения свободы 22 человека и оправдано 3.

В производстве нарсудов г. Казани за то же время находилось 137 дел по обвинению в должностных и хозяйственных преступлениях; рассмотрено 113 дел или 82%.

Сумма убытков и растрат по разрешенным нарсудами делам равняется 24.096 рублей; число осужденных—90 человек и оправданных 30 человек.

Подводить сейчас полные итоги борьбы с должностными и хозяйственными преступлениями было бы преждевременным, в виду незначительности срока, в течение которого они являлись предметом усиленного внимания НКЮ. Однако, определенно следует сказать, что работа растрат приостановилась, что показательные процессы, устраиваемые нарспратчиками оказали свое предупреждающее действие.

Большая работа была проведена и по популяризации правовых знаний. Прежде всего НКЮ распространил бесплатно 2.000 экземпляров важнейших кодексов на татарском языке, раздав их членам последней сессии ТЦИК'а и разослав в татарские ВИК'ы.

Почти по всем участкам нарсудов проведены совещания народных заседателей, где подробно разъяснялись их права и обязанности.

Для облегчения работников кантонов, судей и следователей, в их работе по популяризации советского права на места были преподаны тезисы по наиболее интересным для крестьян юридическим вопросам.

За последние 4 месяца в кантонах было прочитано 386 докладов по юридическим вопросам; при чем в это число не входят беседы с крестьянами на различные темы. Число это, правда, нельзя признать удовлетворительным, но важно то, что начало широкой популяризации законов положено и в дальнейшем она будет расти.

За это же время было обследовано прокуратурой 83 сельсовета и ВИК'а; при чем в результате обследования было возбуждено 23 уголовных преследований против должностных лиц.

Было обращено также серьезное внимание и на постановку юридической помощи в деревне членами коллегии

защитников, работа которых протекала без достаточного руководства со стороны президиума коллегии защитников, при чем наблюдалась серьезная оторванность защитников деревни от своих городских товарищей.

Для налажения этой работы в июне месяце был созван первый всетатарский съезд членов коллегии защитников.

Съезд, в состав коего вошли также и представители совнаркома, наркомюста, главсуда, татпрофсовета, женотдела, центрального дома крестьянина, главной земельной комиссии и др. учреждений, постановил:

1. Работу коллегии защитников в целом признать удовлетворительной.

2. В целях дальнейшего усиления работы по оказанию юридической помощи трудящемуся населению принять меры к поднятию квалификации защитников.

3. Создать условия для увеличения числа татар и женщин в рядах коллегии защитников.

В настоящее время социальный и партийный состав коллегии защитников по кантонам следующий: из общего числа 56 человек рабочих — 7, крестьян — 36, членов РКП (б) — 11; национальный состав также в смысле обслуживания нужд татарского населения удовлетворителен: из 56 человек 11 татар и число это постепенно растет.

По инициативе НКЮ, при женотделе были созданы краткосрочные курсы для женщин-выдвижек в коллегию защитников.

В процессе работы, когда НКЮ детально изучил свой низовой аппарат, оказалось, что необходимо освежить личный состав, несмотря на то, что он неоднократно подвергался чистке.

Все, кто не пользовался достаточным авторитетом крестьянства и не понял нового курса политики, были сняты с работы и заменены новыми, в большинстве товарищами, окончившими областные юридические курсы.

В настоящее время общее число сотрудников, за исключением состоящих на хозрасчете потконтор и коллегии защитников, — 592: из них ответственных работников — 183 и технических — 409; среди ответственных татар — 76 или 41,5%, русских — 98 или 53,5%, прочих 9 или 5%; членов РКП (б) — 118 или 64,5% и беспартийных 65 или 35,5% с юридическим образованием — 56 человек.

Какие наиболее важные препятствия встретил НКЮ в своей деятельности по укреплению революционной за-

конности, вообще, и в борьбе с должностными и хозяйственными преступлениями, в частности?

В отношении последних громадным тормазом их быстрого разрешения является производство экспертизы, являющийся необходимой чуть ли не по всем делам этого рода.

Требуемые следственными и судебными органами экспертизы даются хозорганами с большой неохотой; работают они, вследствие загруженности по службе, очень медленно, и выводы одного эксперта часто противоречат выводам другого.

Вообще, экспертиза задерживает каждое хозяйственное и должностное дело, и вопрос этот, можно полагать, общий и подлежит урегулированию в масштабе РСФСР.

Следующий большой вопрос, который мешает развернуть работу по внедрению революционной законности, это — крайняя недостаточность кантональной судебной следственной сети.

Вопрос этот частично в связи с постановлениями, по представлению НКЮ, областного комитета партии и ЦИК'а Татарской республики, будет урегулирован с нового бюджетного года, так как санкционировано увеличение на 5 судебных участков и на 4 следственных, но увеличение это, однако, не удовлетворяет действительным потребностям.

Следующим препятствием, которое мешает работе по проведению революционной законности, является плохое материальное положение низового аппарата нарсудов и нарследователей и, главным образом, отсутствие средств на разъезды.

Опять-таки по представлению НКЮ совнарком в августе месяце отпустил специально на разъезды 1.500 руб.; суммы этой оказалось достаточно до конца бюджетного года, но результаты прохождения сметных предположений 1925—26 года дают все основания опасаться, что деньги на выезды будут отпущены слишком незначительные.

В итоге следует сказать, что борьба за революционную законность и борьба с должностными и хозяйственными преступлениями в данное время широко развернулась и растет; устранение препятствий, которых, кроме перечисленных, еще очень много и к изжитию которых принимаются НКЮ все меры, обеспечить работе максимальную продуктивность.

НА МЕСТАХ.

Уездное совещание работников юстиции в г. Бугуруслане.

В г. Бугуруслане происходило совещание работников юстиции.

По докладу о деятельности уполгубсуда и судебно-следственных участков, который был заслушан первым, совещание признало работу удовлетворительной, отметив некоторые достижения и недочеты. Для устранения этих недочетов совещание постановило популяризировать среди широких масс населения деревни законы, увеличить число выездных сессий парсудов и выездов следователей по волостям, селам и деревням и устраивать, по возможности, показательные судебные процессы по делам, наиболее затрагивающим интересы широких масс населения. Совещание указало также на необходимость проведения плановых совещаний с парзаседателями и чтения периодических докладов о деятельности парсудов и следователей в ВИК'ах, на волостных совещаниях и на широких крестьянских собраниях, а также о роли суда и о мерах к укреплению революционной законности в деревне. Обращено также внимание на налаживание оказания юридической помощи в избах-читальнях, привлекая в работу весь сельский актив.

С'езд подчеркнул тяжелые материальные условия работников юстиции, которые необходимо улучшить. С этой целью уже поднят вопрос об уравнивании в зарплате судебно-следственных технических работников с сотрудниками ВИК'а на 1925—26 сметный год. Постановлено также ходатайствовать об отпуске средств на ремонт камер и на снабжение их всем необходимым и юридической литературой прежде всего. Кроме того, было установлено, что в дальнейшем совещания будут созываться по четвертям года—четыре раза в год, и что с 1 октября начнется работа в юридическом кружке по утвержденной Самгубсудом программе.

Кроме того, совещание поставило перед исполкомом вопрос о расширении суд.-следственных участков.

По докладу прокуратуры о революционной законности и о работе органов следствия и дознания совещание одобрило разработанные формы и методы работ по прокурорскому надзору, каковые сводятся к следующему: созыв совещаний работников дознания, наблюдение за деятельностью общественных и хозяйственных учреждений. Совещание отметило слабую постановку работы органов дознания и обратило внимание прокуратуры на подбор и поднятие квалификации работников милиции в городе и уезде.

По докладу представителя коллегии защитников совещание, отметив достигнутые улучшения в работе коллегии, постановило развить и углубить общественно-правовую работу коллегии в деревне.

Соловьев.

Бузулукское уездное совещание работников юстиции.

Происходившее в Бузулуке 9 и 10 июня совещание работников юстиции Бузулукского уезда имело большое значение для всех его участников, так как на нем был прочитан доклад о результатах ревизии парсудов и камер парследователей уезда.

Работа судей и следователей была признана удовлетворительной, несмотря на крайне скудные ассигнования,

отпущенные им для работы. Совещанием были заслушаны, кроме того, доклады уполномоченного губсуда и прокурора о работе суда в деревне и о нашей судебно-исправительной политике. Совещание постановило усилить внимание судебных работников к нуждам деревни и, прежде всего, немедленно приступить к организации столов справок во всех избах-читальнях, где каждый крестьянин сумеет найти любую интересующую его справку. Для этой работы признано желательным привлечь всех интеллигентов деревни: врачей, агрономов, землемеров, учителей, при чем работа эта должна вестись под руководством судьи, следователя и члена коллегии защитников. Борьбу с произволом и проявлением беззаконности на селе постановлено усилить и положить предел дальнейшим нарушениям и преступлениям в этой области.

Крайняя перепруженность работой судей и необходимость приближения их к массам, по мнению совещания, говорит за безусловную необходимость немедленного расширения сети судебно-следственных участков по уезду.

Совещанием установлено также, что успешной работе мешает низкий уровень правовых знаний работников органов дознания, изжить который нужно, прежде всего, местными силами, путем более частых собеседований следователей и судей с работниками угрозыска и милиции.

Ленин.

Уездное совещание судебно-административных работников. Нерехтского уезда Костромской губ.

В Нерехте Костромской губернии 4 и 5 июня было проведено уездное совещание судебно-административных работников уезда.

По докладу «преступность в уезде и борьба с ней», который был заслушан совещанием совещание констатировало, что в связи с подъемом культурного уровня населения и роста экономического благосостояния страны, преступность в некоторых ее видах, например: контр-революция, бандитизм, массовый отказ от внесения налогов, организованное по взаимному соглашению сокрытие объектов обложения, прекратилась вовсе. Злоупотребление, превышение и бездействие власти, халатное отношение, взяточничество—идет на спадение. И только резко увеличилось количество растрат.

Борьбу с преступностью совещание признало необходимым вести тремя способами: 1) мерами воспитания, 2) удовлетворением потребностей населения (напр., самовольные порубки) и 3) мерами репрессий. Последний метод борьбы применять особенно к лицам, совершающим преступления сознательно с целью обогащения за счет государства и общества (105, 109, 113, главным образом, 114, 116, 128, 132, 143 и 169 ст. ст. Уг. Код.).

По докладу о судебно-исправительной политике совещание считает вполне своевременным понижение репрессий в отношении трудящихся, но, с другой стороны, в виду увеличения количества растрат в первичных кооперативных организациях, совещание нашло необходимым усилить репрессии по отношению к лицам, совершающим эти растраты.

Отмечая, что в пределах уезда еще не прекратились убийства в ядрах и хулиганство, совещание также нашло

необходимым, с одной стороны, применение самых суровых мер к лицам, совершающим подобного рода преступления, а с другой стороны, чтобы отвлечь широкие слои крестьянского населения от праздного безделья, высказало пожелание об усилении культурно-просветительной работе.

По докладу о деятельности земкомиссий совещание отнесло слабую в прошлом связь земкомиссий с волземкомиссиями, а также неправильное применение законов, вследствие чего процент отмены дел был довольно большой, и вообще оторванность уезда от мест.

Для устранения перечисленных недочетов совещание признало необходимым: 1) установить тесную связь губземкомиссии с уездными и волземкомиссиями с целью выстраивания их, 2) поднять квалификацию работников земкомиссий, 3) срочно провести ряд бесед среди широких крестьянских масс о земельном законодательстве. Для проведения в жизнь этой резолюции совещание признало необходимым прежде всего организовать краткосрочные курсы для работников волземкомиссий.

По докладу о налоговой практике совещание постановило: провести налоговую кампанию текущего года под лозунгом «лицом к деревне», устранив все ошибки прошлого и относясь с особым вниманием к запросам и нуждам деревни. Признано также необходимым широко популяризировать среди крестьянства сведения об ответственности за неплатеж налогов, в особенности за укрытие объектов обложения.

По докладу о работе в деревне совещание поручило прокурору и суду проводить систематические беседы в секциях ВИК'ов, вводя это в календарный план, вовлекать туда и нарасседателей и, кроме того, проводить с ними независимо от общих бесед о судебно-исправительной политике суда.

И. Ушанов.

Донецкое совещание работников юстиции.

В мае в Миллерове состоялось донецкое окружное совещание работников суда, следствия и органов дознания.

Внимание совещания было направлено на вопрос приближения суда к населению, на осуществление лозунга «лицом к деревне» и на результат мероприятий, предпринятых за последнее время краевым судом и уполномоченным краевого суда по пересмотру и укреплению личного состава судебно-следственных органов, повышению пропускной способности, разгрузке камер от залежи дел и организации консультаций для оказания юридической помощи трудовому населению.

Совещание констатировало вполне удовлетворительное состояние работы судебно-следственных органов в области приближения к населению: судом организовывались регулярные ежемесячные выездные сессии по населенным пунктам, с приемом там же новых дел и рассмотрением их на месте, ставились на собраниях доклады судей и проводились беседы с населением по вопросам права. Часто выезжали на места и следователи.

Удовлетворительной признана и юридическая помощь населению. Число членов коллегии защитников в текущем году возросло с 8 до 16, и это дало возможность призывному расширить сеть консультационных бюро по всему округу.

Отмечена неудовлетворительная постановка в милиции дела взывания по исполнительным листам. Перегруженность милиции специальной работой делает невозможным устранение этого недостатка. Совещание признало поэтому целесообразным освобождение милиции от этих обязанностей за счет увеличения числа камер судебных исполнителей.

В работе земкомиссий отмечены следующие недостатки: слабая пропускная способность и неудовлетворительная постановка технической работы и отчетности.

Нужно отметить достижение в отношении продвижения дел в нарсудах. Согласно доклада уполномоченного краевого суда, пропускная способность судов в этом году за истекшие четыре месяца превысила прошлогоднюю за тот же период на 53%.

Увеличение пропускной способности не вызвало увеличения процента отменяемых решений кассационной инстанцией, а, наоборот, отмена сократилась почти на половину по сравнению с прошлым годом. Если в прошлом году отменялось до 45% решений, то в этом году отмена не превышает 25%.

Не остался без обсуждения и самый больной вопрос: вопрос о недостатке в средствах на канцелярские, хозяйственные и командировочные расходы. Работники высказали пожелание о переводе с районного снабжения, по крайней мере, на окружное.

В общем совещание для проведения в жизнь лозунга: «лицом к деревне» признало существенно важным увеличение выездов сессий в деревни, постановку докладов о работе, популяризацию советского права и организацию при камерах судов кружков для изучения советских законов, с привлечением нарасседателей к посещению последних. На ряду с этим отмечена целесообразность практикуемых уполномоченным краевого суда обзедов и обследований участков и созыва совещаний через каждые три месяца.

Н. Цуров.

БИБЛИОГРАФИЯ.

Я. А. КАНТОРОВИЧ. Правовые основы хозяйственного строя СССР.

Изд. «Наука и Школа». Ленинград. 1925 г. Стр. 231. Цена 1 р. 75 к.

В предисловии к книге автор так объясняет поставленную им себе задачу: «Ясно и очевидно, что рабочий класс, вообще класс трудящихся, не может не интересоваться вопросами, связанными с народным хозяйством, в котором он принимает столь близкое и непосредственное участие, что он должен иметь ясные представления об общих основах хозяйственного строя страны, в условиях которого протекает

вся трудовая жизнь каждого рабочего... Задача настоящей книги дать ясную картину правовых условий, в которых осуществляется хозяйственная жизнь в СССР. В виду этой задачи автор задался целью собрать воедино относящийся сюда и рассеянный по разным официальным изданиям законодательный материал и, систематизируя этот материал, изложить его в более или менее освещающей и объединяющей перспективе и в возможно популярной форме».

Следовательно, автор имел в виду дать элементарное, популярно изложенное руководство по советскому законодательству, относящемуся к хозяйственному строю Союза. По заданиям автора, книга должна охватить все законо-

тельство, регулирующее хозяйственную жизнь СССР, т.-е. быть учебником «хозяйственного» права в том определении этого термина, которое дал проф. А. Г. Гойхбарг, — представить его в систематизированном виде и изложить в популярной форме.

О том, насколько удачно выполнил автор два первых задания, можно судить по содержанию книги. В ней 11 глав и приложения. В первой главе говорится о государственной и частной собственности и об имуществе, изъятом из оборота; главы 2—7 отведены законодательству о промышленности, при чем 2 глава имеет характер вступления; первая ее часть говорит о промышленности в период военного коммунизма, а вторая — о новой экономической политике; третья глава дает общее представление о трестах, трактует о государстве, как юридическом лице и субъекте имущественных прав, и о синдикатах, как способе синдицирования трестов, и передает содержание законопроекта о синдикатах и синдикатских конвенциях; в четвертой главе излагается содержание декретов о трестах; пятая глава посвящена частной промышленности и делится на четыре части. Основные принципы новой экономической политики, о мелкой и кустарной промышленности, о промысловой и сельско-хозяйственной кооперации и, наконец, о разных видах товариществ и об акционерных обществах; в шестой главе говорится о денационализированных промышленных предприятиях, об аренде государственных предприятий, о концессии, об аренде частно-владельческой (имущественный наем); в седьмой — о предмете частной промышленности (предприятия с числом рабочих до 20 и права на изобретения, промышленные образцы, товарные знаки и фирму) и о переходе предприятий по отчуждению и по наследству. Главы восьмая и девятая отведены внешней и внутренней торговле. В десятой главе рассматриваются органы управления торговлей и промышленностью; в одиннадцатой главе излагается особая подсудность по делам промышленности, т.-е. об арбитражных комиссиях при СТО, ЭКОСО, ВСНХ и товарных биржах. В приложениях помещены два очерка — общие условия промышленного обложения и уголовная ответственность за нарушение законов о торговле и промышленности.

Из этого обзора видно, что наибольшее место автором отведено промышленности, значительно меньше — торговле; о земельных отношениях автор говорит вскользь, а транспорт обходит молчанием. Такое неравномерное использование законодательного материала, конечно, не создает «объединяющей перспективы» в понимании хозяйственного строя СССР.

Нельзя считать удовлетворительно выполненной и систематизацию законодательного материала. Из приведенного обзора нельзя усмотреть какой-либо объединяющей идеи в распределении материала; надо думать, что автор переходил от одной темы к другой, руководствуясь случайными признаками. Надо указать, что автор рассчитывал на неподготовленного читателя, а между тем, он не нашел нужным изложить общие понятия гражданского права, т.-е. общую часть Гражданского Кодекса; некоторые вопросы он излагает попутно (об юридических лицах), а большинства совсем не касается; равным образом, ничего не говорится об обязательствах, договорах вообще и наиболее распространенных договорах в частности.

Книга написана хорошим, простым, понятным языком; это — большое достоинство книги, и можно было бы считать выполненным обещание автора дать популярное изложение, если бы, к сожалению, это изложение не грешило застарелыми неточностями, недомолвками и даже ошибками, вследствие чего даже у вдумчивого, но незнающего с предметом чита-

теля возникает немало недоразумений. Чтобы не быть голословным, приведу несколько примеров, которыми далеко не исчерпываются все замеченные промахи.

Автор утверждает, что «государственную собственность составляет имущество национализированное и муниципализированное» (стр. 12), а затем поясняет, что следует понимать под национализированным и муниципализированным имуществом, и читатель недоумевает, следует ли считать государственным имуществом, принадлежащее государству, по поступившее в его собственность не в силу национализации, а хотя бы договорным путем. На той же странице автор, говоря, что, земля, недра, леса и т. д. изъяты из частного оборота, поясняет: «т.-е. не могут быть предметом каких-либо юридических сделок между частными лицами, направленных к отчуждению, приобретению, использованию и вообще свободному обращению». (То же определение повторяется на 17 стр.). Это пояснение (земля, недра и проч. не могут быть предметом сделок между частными лицами) наводит на мысль, что перечисленные имущества могут быть отчуждены и приобретены, если они являются предметом сделки госоргана с частным лицом, что, конечно, неправильно, или же, что земля, недра и проч. не могут быть предметом каких-либо юридических сделок, что опять-таки неверно. Правда, в дальнейшем изложении поясняется, что земля может быть предметом сделок, совершаемых только органами государства и только на предмет пользования, но неверное представление уже создано, и трудно предугадать, как все это будет воспринято читателем, вступившим к изучению права; кроме того, и это пояснение 1) недостаточно, так как не только земля, но и недра, леса, воды могут быть предоставлены в пользование частным лицам, а 2) кроме аренды, существует еще субаренда, предметом которой может быть пользование землей, при чем контрагентами в этой сделке будут частные лица.

На 23 стр. автор повторяет содержание закона и указывает, что в состав оценочной комиссии входит представитель губпродкома, забывая, что губпродкомы упразднены и, следовательно, состав оценочной комиссии изменился.

На стр. 25 автор говорит, что дома могут быть муниципализованы в случае бесхозяйственности или неправильного использования, и умалчивает о том, какое учреждение может сделать постановление о муниципализации.

На стр. 41 автор утверждает, что смешанные общества находятся в такой же зависимости от центральных органов государства, как и тресты, и тут же добавляет: «с той лишь разницей, что эти центральные органы выступают тут не в качестве административно распоряжающихся высших инстанций, а... в качестве акционера», т.-е. автор сам себя опровергает и, повидимому, даже не замечает этого. Ведь, только не знакомого даже с началами правоведения можно уверить, что зависимость от непосредственного начальствующего административного органа и от акционера — одно и то же; если эта зависимость может быть идентичной в экономическом отношении, то в правовом здесь очень большие различия.

На стр. 46 сказано: «В случае несостоятельности одного члена (синдиката) ответственность его за долги распределяется между остальными участниками синдиката пропорционально их паям». Читатель подумает, что остальным членам синдиката приходится расплачиваться за долги виновного в несостоятельность сочлена, и ошибется; автор забыл поставить одно слово — «за долги синдиката».

На стр. 50 автор утверждает, что имущества, национализированные и изъятые из частного оборота, составляют основной капитал треста, а затем на стр. 55 и 56 выясняется, что в основной капитал входит живой и мертвый

инвентарь, который не жьят из частного оборота даже в том смысле, какой придается этому выражению ст. 22 Гр. Код.

На стр. 129 автор ссылается на отмененный декрет ВЦИК и СНК РСФСР от 8 марта 1923 г. о Главконцесском, цитируя, однако, декрет СНК Союза от 21 августа 23 г. («С. У.» за 1923 г., № 96, ст. 952) об учреждении Главного Комиссионного Комитета при СНК Союза.

Излагая структуру ВСНХ СССР и перечисляя главные управления, автор забывает упомянуть о Главметалле и Главэлектро, называет редакционно-издательский отдел, не существующий с 1924 г., когда вместо него было образовано Центральное управление промышленной пропаганды и печати, о чем автор не упоминает. Промышленно-экономи-

ческий совет ВСНХ назван Экономическим Советом. В число центральных органов управления промышленностью отведено место ВСНХ РСФСР и совсем не упомянуто о ВСНХ других союзных республик. По неизвестной причине отведено особое место, наравне с ВСНХ и ЭКОСО, Совету по делам местной торговли, утвержденному Президиумом ВСНХ РСФСР 18 февраля 1924 г., хотя этот Совет входит в состав ВСНХ РСФСР, как одно из учреждений последнего, и играет роль значительно меньшую, чем торговая комиссия, входящая в состав ГЭУ ВСНХ СССР, о которой, однако, автор не нашел нужным даже упомянуть.

Из приведенных примеров видно, насколько небрежно и непродуманно выполнена автором работа.

М. Венецианов.

Письмо в Редакцию.

Нужно подумать о работниках военных трибуналов.

Не нужно доказывать того, как сильно назревает у каждого работника военного трибунала, в особенности за последнее время, стремление к учебе. Это совершенно бесспорно. Момент сам за себя говорит. Было время, когда каждый из нас, имея незначительные знания, хотя бы в области общего образования, а другой и того меньше, еле-еле разбирался в том или другом циркуляре Верховного Суда или военной коллегии, с трудом, через силу, но все же проводили в жизнь их постановления. Были и такие моменты, когда тот или иной работник военного трибунала, получая какое-либо руководящего характера указание, не понимая его сути в силу своей малотрамотности, подчас извращал его, действовал в разрез с полученным указанием. Все это плечо. То было такое время. Так диктовала сама жизнь и ясно, что некогда было думать о какой-то учебе. Но теперь, в данный момент, созданы совершенно новые условия, которые дают возможность заниматься. Ведь нужно же согласиться с тем, что настоящий момент требует многого того, о чем 2—3 года тому назад мы и не мыслили. Если мы сейчас обратимся к нашему законодательству, то прежде всего обратим внимание на его быстрое развитие. После каждой сессии ЦИК'а, после каждого с'езда советов издаются все новые и новые законы. Все это нужно знать и не поверхностно, а детально. Говорят, что для работников военных трибуналов достаточно одной практики, что они, мол, не могут быть всезнайками. Этого никто и не хочет, никто к этому и не стремится. Но на одной практике тоже далеко не уедешь, нужно к ней еще что-то прибавить. При этом, что это за практика у наших работников, которые в большинстве своем оторваны от сохи или станка и не имеют вообще образования! И этим людям разобратся в этих бесчисленных законах, даже и при наличии комментариев, чрезвычайно трудно. Нужно дать знание. Мало одной практики без самого элементарного знакомства с теорией. Кроме того, ведь разве мы должны быть вечно военными работниками и только ограничиваться судебной работой по воен-

ной линии? Мне кажется, что нет, и что это было бы в корне неправильно. Но если это и так, если мы обречены быть на веки вечные военными спецами по судебной линии, будет ли достаточно того, что у нас имеется, чем мы обладаем? Я смею уверить всех, что преобладающее большинство нашего контингента работников не имеет не только военного образования, но даже современного военного знания. Возможно ли при наличии этих обстоятельств работать без ущерба для дела? Бесспорно, нет. Для этих работников бывают трудные моменты, а подчас и во вред общему делу. Прибегать к помощи экспертизы? Она редко бывает нужна и необходима. В большинстве же случаев работник должен быть сам лицом, компетентным во всех отношениях.

И вот, учитывая все это, нужно сказать, что назрел момент, когда наши центральные товарищи должны обратить особое внимание на нас, работников трибуналов. Дать возможность нам подучиться, пополнить свой практический багаж теоретическим. А возможность эта имеется. В центре существуют высшие юридические курсы, и если этим курсам придать окраску еще и военного характера и не ограничиваться комплектованием этих курсов одними работниками губсудов, нарсудов и т. д., а, по крайней мере, 20—25% эти курсы укомплектовывать работниками военных трибуналов, то это было бы кетати. При чем этих лиц набирать не из окружных или армейских военных трибуналов, а вот именно из пизов—из дивизионных, корпусных военных трибуналов, где работники окружного масштаба безусловно квалифицированной и имеют больше знаний, чем работники пизного масштаба. При этом нужно отметить еще и следующее: помимо центральных высших юридических курсов существуют еще такого же характера курсы и губернского масштаба (по некоторым большим губерньским центрам). Следовательно, для работников губернского масштаба имеется больше возможностей учиться. И только остаемся мы. О нас-то и позабыли. Я думаю, что работникам центра нужно разрешить этот неотложный вопрос.

Т. Линьков.

ОФИЦИАЛЬНАЯ ЧАСТЬ.

== СОДЕРЖАНИЕ: ==

Циркуляры НКЮ: №№ 187, 188, 189, 190, 198.

Циркуляры Наркомюста.

Циркуляр № 187.

Всем губ. и обл. судам.

Список циркуляров, отмененных с изданием циркуляра НКЮ № 180—1925 г.

С изданием, в порядке ст. 31 положения о нотариате, инструкции губеудам и нотариату (циркуляр НКЮ, № 180, от 15 сентября 1925 года) нижеследующие циркуляры считать утратившими силу: за 1923 год—№№ 18, 19, 58, 68, 73, 125, 130, 140, 177, 179, 187, 194, 199, 209, 214, 262; за 1924 год—№№ 31, 53, 80, 81, 106, 109, 138, 179, 181, 191, 197, 205; за 1925 год—№№ 12, 68, 77, 83, 84, 115.

Зам. Народного Комиссара Юстиции Крыленко.

Член Коллегии НКЮ Бранденбургский.

23 сентября 1925 года.

Циркуляр № 188.

Губернским и обл. прокурорам и судам.

Об отмене циркуляра № 97.

Подтверждается, что, за минованием надобности, циркуляр НКЮ от 16 мая 1923 года за № 97 о представлении в НКЮ сведений о фактически выплаченной зарплате сотрудникам отменен циркуляром за № 155 1924 года.

Зам. Народного Комиссара Юстиции Крыленко.

Циркуляр № 189.

Согласовано с отделом счетоводства и отчетности НКРКИ СССР 22 IX—25 г.

О порядке заключения счетов баланса за 1924—25 бюджет. год и переходе на новую номенклатуру по измененной инструкции Совнаркома от 21/VIII—1924 г.

Ввиду окончания бюджетного 1924—25 г. и предстоящего перехода на новую номенклатуру счетов, предоплаченную 5 изданием инструкции Совнаркома, измененной на основании п. 3 постановления Совнаркома СССР от 21/VIII—1924 г., Народный Комиссариат Юстиции, во исполнение циркуляра своего от 15/IX—24 г., за № 146, предлагает всем подведомственным учреждениям ввести в действие с 1 октября 1925—26 бюджетного года, препровождаемую при сем инструкцию по счетоводству и отчетности, при чем поясняет:

1. Во всех губернских и областных судах счетоводство ведется по двойной итальянской системе; уполномоченные губсуда в уездах и постоянные сессии в округах ведут счетоводство по простой системе с обязательным ведением всех

линий, предусмотренных § 73 инструкции. Во время образованных постоянных судебно-кассационных сессий, при счетоводстве велось по двойной системе, последнее может оставаться и на 1925—26 бюджетный год, при условии, если все подведомственные учреждения области ведут счетоводство по двойной итальянской системе; разновременно счетоводство в области, как-то: в нескольких постоянных сессиях по двойной, а в других той же области по простой системе не допускается.

2. В губернских и областных прокуратурах счетоводство ведется по двойной итальянской системе, при чем на основании примечания 1 к § 3 инструкции не исключается возможность с согласия Наркомюста оставления двойного счетоводства по американской форме.

Пом. прокурора в уездах ведут счетоводство по простой системе с соблюдением правил, указанных § 73 инструкции. Окружные помощники прокурора по ведению счетоводства приравниваются к постоянным сессиям облсудов.

3. Для учреждений, ведущих счетоводство по двойной итальянской системе, как общее правило, устанавливается ведение журнала для хронологической записи всех оборотов на основании данных баланса оборотов в порядке § 72 инструкции; учреждении, коим будет разрешено ведение счетоводства по американской системе, ведут журнал-главную по форме № 11, предоплаченной инструкцией Совнаркома издания 1924 года.

4. Номенклатура счетов баланса устанавливается в строгом соответствии с § 26 инструкции, при чем никакие изменения и дополнения, без согласия Наркомюста, допустимы быть не могут. Количество счетов устанавливается в зависимости от размера и рода операций учреждения, при чем нумерация счетов не изменяется; счета баланса, операций по которым не имеется, в главной книге не открываются. Счета, учитывающие открытые и использованные кредиты и доходы, открываются под литерами СР.

5. Во исполнение пункта 8 циркуляра НКЮ № 146 поясняется, что к специальным средствам следует отнести суммы: а) материальные сборы, при чем последние учитываются один раз в месяц, на основании отчетов нотариальных отделений, посылаемых в НКЮ с соблюдением порядка, предоплаченного циркуляром НКЮ от 21 июня 1925 г. за № 126; б) суммы, поступающие на вознаграждение судебных исполнителей, и в) доходы, получаемые учреждениями, состоящими на госбюжете, от сдачи в наем находящихся в их ведении зданий и помещений или от эксплуатации их иным способом, при чем полученные средства предназначаются для покрытия расходов по содержанию и ремонту этих зданий и помещений. О порядке расходовании этих средств на основании постановления Совета Труда и Оборон от 26/VIII—25 г. за № 176 последует особое циркулярное распоряжение.

Суммы, поступающие в порядке 35, 37 ст. Гражд. Проц. Код. на вознаграждение свидетелей и экспертов, относятся на счет депозитов и в специальные средства не зачисляются.

В порядке § 63 инструкции вводится учет вещественных доказательств с описанием последних в активе по счету

депозитных ценностей и в пассиве по счету депонентов, прием и выдача каковых осуществляется по квитанциям форма № 1а к § 11а. Оценка вещественных доказательств производится приемщиком ценностей по согласованию с депонентом, или в отсутствии последнего без согласования по условной цене.

6. В виду того, что во вновь измененной инструкции §§ 19а, 35 предусматривают ежемесячное списание расходов по использованию кредитов, полученных в порядке разассигнования по ведомственной линии на основании посылаемых извещений фор. № 8а, без которых НКЮ не будет иметь возможности закончить месячной отчетности, предлагается обратить особое внимание на своевременное предоставление этих извещений, при чем поясняется, что на обороте преподанной формы извещения необходимо детализировать суммы списанных расходов по отдельным сметным подразделениям.

Формы отчетов по специальным средствам будут преподаны особым циркуляром по выработке и согласованию их с ОСО НКРКИ СССР.

Месячная отчетность в порядке § 104—109 инструкции должна поступить в НКЮ и в органы НКФ неукоснительно в сроки, указанные инструкцией, викаких отступлений допустимо быть не может, при чем, учитывая опыт прошлых лет, из которого усматривается неаккуратное доставление требуемых отчетных данных или даже полное отсутствие их, несмотря на ряд запросов и циркулярных распоряжений, Народный Комиссариат Юстиции предлагает в текущем 1925—26 бюджетном году отнестись с особым вниманием к представлению требуемых отчетов, предупреждая, что отступление отчетности или неаккуратное ее доставление будет вызывать со стороны НКЮ самые решительные меры воздействия по отношению к лицам, персонально ответственным за составление отчетности.

7. Всем губернским и областным судам и прокуратурам вменяется в обязанность поставить в известность подотчетные органы об изменениях как форм счетовых книг, так и порядка ведения операций, преподанных последним 5 изданием инструкции Совнаркома, при чем необходимо в самый кратчайший срок уведомить НКЮ о форме счетоводства, принятого учреждением на 1925—26 г. для согласования этого вопроса в порядке примечания 2 к § 3 инструкции с ОСО НКРКИ СССР.

8. Заключение счетов баланса 1924—25 бюджетного года и переход на новую номенклатуру счетов 1925—26 г. следует произвести в порядке, указанном ниже сего.

9. Об исполнении настоящего циркуляра довести в НКЮ не позднее 15 октября 1925 года.

Зам. Народного Комиссара Юстиции и Старший Пом. Прокурора Республики Крыленко.

П О Р Я Д О К

заключения счетов и переход на новую номенклатуру счетов 1925—26 бюджетного года.

1. Независимо от продления срока действия сметных кредитов 1924—25 бюджетного года, счетоводство должно быть заключено по действовавшей номенклатуре счетов 30 сентября 1925 г. Переход же на новую номенклатуру осуществляется после заключительного баланса, путем составления дополнительных статей и переноса действующих на 1925—26 год остатков на вступительный баланс.

2. По окончании предварительной подготовки к заключению по урегулированию расчетов с третьими лицами, производится заключение инвентарных счетов путем переноса на счет баланса заключительного. Таковыми счетами

будут по активу счет классы, текущий счет, депозитных ценностей, дебиторов, оборудования и инвентаря, материалов, зданий и сооружений и по пассиву—счет фонда в имуществе, депонентов, залогодателей.

3. Счет подотчетных лиц и дебиторов по гос. и местн. бюдж. заключается на полную сумму остатка, путем фондирования в порядке § 46 инструкции 1924 года и переноса суммы неотсчитанных авансов на расходы в активе и фонда в авансах в пассиве.

4. Счет открытых кредитов по государственн. или по местному бюджету на остаток могущих быть продолженными и неиспользованными переносится на счет кредитов продолжен. по смете.

5. Расходы, произведенные судом или прокуратурой за 1924—25 год, а также расходы, произведенные третьестепенными распорядителями кредитов по состоянию их на 1 октября, сносятся на дебет счета НКЮ по госрасходам, исключая из них констатированные, но не оплаченные расходы, находящиеся в пассиве на счет кредиторов по неоплаченной задолженности, которые переносятся на счет расходов, переходящих на смету будущего года. О сумме списанных расходов на 1 октября, включая и расходы, произведенные местными учреждениями, необходимо в момент списания довести в НКЮ, детализировав все расходы по сметным подразделениям, на предмет списания со счета члсющихся разассигнованными кредитов по ведомственной линии. Допосения эти должны быть посланы в НКЮ не позднее 15 октября 1925 года.

6. На полный остаток по счету расходов из спецсредств кредитуются счет расходов из спецсредств и дебетуется счет фонда в спецсредствах, а затем последний (фонд в спецсредствах) переносится на баланс заключительный.

7. Расходы по местному бюджету закрываются на весь остаток, за исключением кредиторов местного бюджета, и переносятся на дебет счета исполкома по госрасходам, при чем остаток по последнему переносится на баланс заключительный.

8. В тех учреждениях, где действовавший ранее счет расходов, переходящих на смету будущего года, не закрыт в течение операционного года, остаток по нем переносится на баланс заключительный до момента списания на подлежащий счет при переходе на новую номенклатуру.

9. Счет местных учреждений по открытым кредитам после списания с него расходов, произведенных подведомственными органами, переносится на баланс заключительный.

10. Счет Наркомфина по госдоходам и исполкома по местным доходам кредитуются по дебету счета госдоходов и местных доходов, взаимно закрываясь тем самым и, если по счету госдоходов или местных доходов имеется остаток несланных доходов, последний переносится на баланс заключительный по пассивным счетам.

11. Счет фонда в авансах вроде до перехода на новую номенклатуру переносится на баланс заключительный 1924—25 года.

12. Закончив полное заключение счетов по действовавшей номенклатуре на 1924—25 бюджетный год и получив, таким образом, заключительный баланс, составляются дополнительные статьи, во входящие в отчетные данные за 1924—25 бюджетный год и помещаемые отдельно после годовых итогов в старых счетах и во вновь открытые счетах лишь только в главной книге старого года для перехода на новую номенклатуру по вступительному балансу на 1925—26 бюджетный год.

13. Перенесенный по балансу счет депозитных ценностей делится на суммы, находящиеся в кассах НКФ, и суммы, находящиеся при учреждениях, при чем на суммы,

находящиеся в кассах НКФ, кредитуются счет депозитных ценностей и дебетуются счет депозита в кассах НКФ, какой остаток и переносится на баланс вступительный, переносимый остаток по счету депозитных ценностей также на вступительный баланс.

14. На остаток по счету открытых кредиторов по госбюджету кредитуются этот счет по дебету счета продолженных кредитов по госбюджету СР, который и переходит на баланс вступительный.

15. Остаток по счету расходов, переходящих на смету будущего года, состоящий из неоплаченных расходов, числящихся по счету кредиторов, списывается по кредиту счета расходов, переходящих на смету будущего года на дебет неоплаченных расходов госбюджета или местного бюджета.

16. На saldo счета местных учреждений по открытым кредитам кредитуются этот счет по дебету счета местных учреждений по продолженным кредитам госбюджета СР или местного бюджета, которые и переходят на вступительный баланс.

17. Счет фонда в авансах дебетуется на полную сумму по кредиту счета НКЮ по госрасходам истекших лет.

18. Счет НКЮ по госрасходам дебетуется по кредиту счета НКЮ по госрасходам истекших лет, который затем переносится на счет баланса вступительного.

19. Счета депоментов и залогодателей соединяются в один счет и переносятся на баланс вступительный.

20. По произвождению всех дополнительных записей составляется вступительный баланс по шовой нomenclature счетов и открываются книги на 1925—26 бюджетный год.

21. Заключительный и вступительный балансы, согласно § 108 инструкции, должны быть присланы в НКЮ не позднее 1 ноября 1925 года.

24 сентября 1925 года.

Циркуляр № 190.

Всем губ. и обл. судам и прокурорам.

О заготовке бланков ассигновок на 1925/26 год.

Согласно отношения общего управления НКФ СССР за № 031,008 1924 года, пополнение запаса бланков ассигновок всех подведомственных органов НКЮ как состоящих на госбюджете, так и местных средствах, должно производиться непосредственно Наркомюстом.

Принимая во внимание, что заказы, сдаваемые Гознаку в большом количестве, принимаются последним по цене 4½ коп. за 1 бланк ассигновки, тогда как при розничных заказах стоимость одного бланка повышается до 10 коп., Народный Комиссариат Юстиции, в целях своевременного снабжения ассигновками, предлагает к 20 октября 1925 г. сообщить о потребном количестве бланков как для нужд учреждений, состоящих на госбюджете, так и учреждений, состоящих на местных средствах.

Вместе с тем, сообщается, что высылка ассигновок для учреждений, состоящих на местном бюджете, будет производиться лишь по получении стоимости просимого количества бланков из расчета 4½ коп. за экземпляр и стоимости расходов по пересылке.

Зам. Народного Комиссара Юстиции и Старший Пом. Прокурора Республики Крыленко.

25 сентября 1925 года.

Циркуляр № 198.

Всем краевым, областным и губернским судам.

Об организации краткосрочных юридических курсов по подготовке и переподготовке низовых работников юстиции.

Публикуя циркуляр ВЦИК за № ПУ 85/199 от 23 июля с. г. об организации краткосрочных юридических курсов по подготовке и переподготовке низовых работников юстиции, Народный Комиссариат Юстиции предлагает всем краевым, губернским и областным судам немедленно приступить к составлению, на основании печатаемого ниже положения, плана организации и деятельности курсов и одновременно войти с ходатайством в исполнительный комитет об ассигновании необходимых средств.

Разработанные краевыми, губернскими и областными судами планы организации и деятельности курсов, так равно учебные планы и программы, подлежат в копиях высылать в Отдел Судебного Управления НКЮ немедленно по утверждении таковых президиумом губ(обл)суда. По открытии курсов—представить краткий доклад о времени фактического открытия курсов и составе слушателей.

Народный Комиссар Юстиции Курский.

Член Коллегии НКЮ Бранденбургский.

6 октября 1925 года.

Циркуляр № ПУ 85/199.

Центральным исполнит. комит. автоном. республик, краевым, губернск. и обл. исполнит. комитетам РСФСР.

III Всесоюзный Съезд Советов признал проведение в жизнь революционной законности одной из неотложных задач по укреплению нашего советского строительства.

В связи с этим приобретают в настоящее время важное значение подбор низовых судебно-следственных работников и поднятие их квалификации.

Для осуществления постановления III Всесоюзного Съезда Советов, Президиум ВЦИК считает наиболее целесообразным средством организацию при каждом краевом, областном и губернском суде и соответствующих судах автономных республик краткосрочных юридических курсов для поднятия квалификации низовых судебно-следственных работников и для преподавания необходимых знаний в области советского права рабочим и крестьянам, выдвигаемым местными советскими, партийными и профессиональными организациями на судебную работу.

Имея в виду, что надлежащее проведение в жизнь революционной законности зависит в большой мере от знания и понимания права низовыми работниками на местах, Президиум ВЦИК рекомендует принять все необходимые меры к надлежащей организации губернских юридических курсов в смысле достаточных на этот предмет ассигнований и снабжения другими материальными средствами.

Председатель Всероссийского Центрального Исполнительного Комитета М. И. Калинин.

Секретарь ВЦИК Н. Киселев.

23 июля 1925 года.

Приложение к циркуляру Н.К.Ю. № 198—1925 г.

ПОЛОЖЕНИЕ О КРАТКОСРОЧНЫХ ЮРИДИЧЕСКИХ КУРСАХ ПО ПОДГОТОВКЕ И ПЕРЕПОДГОТОВКЕ НИЗОВЫХ РАБОТНИКОВ ЮСТИЦИИ.

§ 1. Краткосрочные юридические курсы организуются при краевых, губернских и областных судах и имеют своей целью:

- а) поднятие квалификации низовых судебно-следственных работников и работников прокуратуры и
- б) преподавание необходимых знаний в области советского права рабочим и крестьянам, выдвигаемым местными советскими, партийными и профессиональными организациями на судебную работу.

Примечание: Означенные курсы могут быть организованы также при постоянных судебно-кассационных сессиях краевых и областных судов.

§ 2. Слушателями краткосрочных юридических курсов могут быть:

- а) народные судьи, помощники прокурора, народные следователи и
- б) рабочие и крестьяне, выдвигаемые местными советскими, партийными и профессиональными организациями на судебную работу.

Примечание: В зависимости от местных условий, допускаются отступления от этого правила, как в сторону допущения на курсы работников губернских и областных судов (членов судов, запасных судей и т. д.), так и работников, принадлежащих к техническому персоналу органов юстиции, поскольку они в дальнейшем могут быть использованы на судебно-следственной работе.

§ 3. Командируемый на курсы должен удовлетворять следующим условиям:

- а) быть грамотным, б) иметь возраст не моложе 18-ти лет и отбыть обязательную военную службу или же иметь удостоверение об освобождении от таковой, в) быть знакомым с основами политграмоты.

§ 4. Для выяснения надлежащей подготовки, поступающие на курсы предварительно подвергаются испытанию в объеме требований п.п. «а» и «в» § 3-го.

Испытание поступающих на курсы, а также просмотр их анкет производится приемной комиссией, которая назначается постановлением президиума губернского или областного суда.

Примечание. Зачисление на курсы производится путем протокольного постановления приемной комиссии.

§ 5. Срок функционирования краткосрочных юридических курсов и количество слушателей таковых определяется краевыми, областными и губернскими судами по согласованию этих вопросов с местными исполнительными комитетами, в зависимости от местных условий, т. е. наличия денежных средств, потребности в судработниках, их уровня знаний и т. д., при чем, как общее правило, надлежит установить, что срок для обучения на курсах каждого слушателя должен быть ограничен 3 месяцами, и курсы должны функционировать, по крайней мере, в течение 9 месяцев, чтобы дать возможность в течение года (примерно в 3 оче-

реди) возможно большему количеству нуждающихся в переподготовке низовых судебно-следственных работников и работников прокуратуры пополнить свои знания на организуемых курсах.

§ 6. Слушатели курсов обязаны аккуратно посещать занятия и соблюдать правила, установленные зав. курсами и утвержденные губернским, областным или краевым судом.

§ 7. По окончании обучения на курсах, слушателям производится испытание в усвоении ими пройденных предметов через особую испытательную комиссию, назначаемую постановлением президиума губ. (обл.) суда. Лицам, выдержавшим испытание, выдается удостоверение об окончании курсов.

А. Управление курсами.

§ 8. Краткосрочные юридические курсы находятся в ведении губернских, областных и краевых судов. Непосредственное заведывание курсами возлагается на одного из ответственных работников губернского, областного или краевого суда, назначаемого постановлением президиума последних.

§ 9. Заведующий курсами наблюдает за правильным ходом учебной жизни курсов и за соблюдением слушателями установленных правил, о чем докладывает как президиуму, так равно и пленарному заседанию губернского, областного или краевого суда.

Б. Учебная часть курсов.

§ 10. Программа курсов должна включать следующие предметы:

- 1) Политграмота (основы марксизма и ленинизма, Конституции СССР и РСФСР).
- 2) Положение о Судостроительстве РСФСР.
- 3) Уголовный Кодекс РСФСР.
- 4) Гражданский Кодекс РСФСР.
- 5) Кодекс законов об актах гражданского состояния.
- 6) Земельный Кодекс РСФСР (включая основные положения Лесного Кодекса).
- 7) Кодекс законов о труде РСФСР.
- 8) Уголовно-Процессуальный Кодекс РСФСР.
- 9) Гражданский Процессуальный Кодекс РСФСР.
- 10) Положение о госнотариате (включая устав о векселях и гербовом сборе).

§ 11. Особое внимание должно быть обращено на организацию практических занятий, которым должно быть дано преимущество перед лекционным способом преподавания.

§ 12. В качестве преподавателей краткосрочных юридических курсов следует привлечь ответственных работников губернских, областных и краевых судов и прокуратур.

Привлечение других лиц в качестве преподавателей курсов должно допускаться лишь в тех случаях, если упомянутые выше лица не в состоянии будут своими силами обслуживать полностью курсы. Однако, и при выборе преподавателей не из числа работников юстиции надлежит исходить из строго практического характера краткосрочных курсов.

Народный Комиссар Юстиции Курский.

Член Коллегии НКЮ Бранденбургский.

6 октября 1925 года.

Издатель { Юридическое Издательство НКЮ РСФСР.

Ответственный Редактор, Редакционная Коллегия { Г. Крыленко.
Я. Бранденбургский.
С. Прушинский.